

Кен Фоллетт

Полет шершня

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10336225
Фоллетт, Кен. Полет шершня : [роман] : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-081502-9

Аннотация

1941 год – черный для стран антигитлеровской коалиции.

Немецкие войска наступают на территорию СССР, Великобритания безуспешно посылает за Ла-Манш все новые эскадрильи бомбардировщиков, а почти вся остальная Европа оккупирована нацистами. Однако и там, под гитлеровским сапогом, живо движение Сопротивления – движение, в котором особое место занимает Дания.

Диверсии, акты саботажа, сбор информации, операции по спасению евреев – датские подпольщики отважно сражаются с оккупантами.

Но теперь одна из групп разгромлена. Ее участник Арне Олафсен, ставший обладателем невероятно важной для британской разведки фотопленки, на которой отображено местонахождение мощного радара «Фрейя», погиб, едва успев передать материалы младшему брату – восемнадцатилетнему Харальду. И теперь Харальд и его подруга Карен намерены совершить невозможное – любой ценой перевезти фотопленку в Англию...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	27
Глава 3	32
Глава 4	43
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Кен Фоллетт

Полет шершня

Кое-что из описанного в самом деле произошло

Ken Follett
HORNET FLIGHT

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House, LLC и Synopsis.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Ken Follett, 2002

© Перевод. Э.Д. Меленевская, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

Человек с деревянной ногой шел по госпитальному коридору.

Невысокого роста, энергичный, атлетического сложения, лет эдак тридцати, в простом темно-сером костюме и черных, с круглым носком, ботинках, двигался он споро, но легкий сбой в ритме шага – топ-тооп, топ-тооп – не оставлял сомнений в том, что человек хромой. Лицо его выражало сосредоточенную суровость: так бывает, когда стараются подавить сильное чувство.

Пройдя в самый конец коридора, посетитель остановился у поста медсестры.

– Капитан авиации Хоар... – произнес он.

Медсестра, молоденькая хорошенькая брюнетка, подняла глаза от журнала врачебных назначений.

– Вы, наверное, родственник? – с дружелюбной улыбкой поинтересовалась она, произнося слова мягко, как говорят в графстве Корк.

Чары ее эффекта не возымели.

– Брат, – коротко отозвался посетитель. – Какая кровать?

– Последняя, с левой стороны.

Он развернулся на каблуках и проходом между кроватями направился в конец палаты. Там спиной к комнате сидел на стуле мужчина в буром больничном халате и, глядя в окно, курил.

– Барт? – помедлив, нерешительно произнес пришедший.

Тот поднялся со стула и повернулся к нему. Голова его была перебинтована, левая рука на перевязи, но на лице сияла улыбка. Он выглядел помоложе гостя и чуть выше ростом.

– Привет, Дигби.

Дигби обеими руками обхватил его, крепко к себе прижал.

– А я думал, ты погиб, – сказал он и заплакал.

* * *

– Я вел «уитли»... – рассказывал Барт.

«Армстронг уитворт уитли», неуклюжий длиннохвостый бомбардировщик, имел странную повадку в полете опускать нос. Весной 1941 года из примерно семисот самолетов, имевшихся в распоряжении командования бомбардировочной авиации, таких было штук сто.

– Нас обстрелял «мессершмит», и несколько раз попал, гад, – продолжил Барт, – но, видно, кончалось горючее, потому что он отвязался, так нас и не прикончив. Я еще подумал тогда: вот повезло! Но потом мы начали терять высоту. Похоже, он все-таки повредил нам оба мотора. Чтобы снизить вес самолета, все, что не привинчено, мы повыбрасывали за борт, но толку от этого было не много, и мне стало ясно, что, делать нечего, придется садиться в Северном море.

Дигби, уже с сухими глазами, сидел на краешке больничной кровати, всматривался в лицо брата и словно наяву видел перед собой те тысячи футов, которые оставались тогда до воды.

– Я велел экипажу открыть задний люк, упереться руками в переборку и приготовиться выпрыгнуть.

«Экипаж в «уитли» – пять человек», – подумал Дигби.

– Когда высотомер дошел до нуля, я рванул штурвал на себя и сбросил скорость, но машина и не подумала выровняться, так что мы со всего маху шлепнулись на воду. Я потерял сознание.

Братья они были сводные, с разницей в восемь лет. Мать Дигби умерла, когда ему исполнилось тринадцать, и отец женился на вдове, имеющей сына. Дигби сразу принял его как брата, защищал от задиры в школе, помогал с уроками. Оба сходили с ума по самолетам и мечтали стать летчиками. Дигби, разбившись на мотоцикле, потерял правую ногу, окончил факультет машиностроения и занялся конструированием летательных аппаратов. А вот Барту осуществить мечту удалось.

– Когда пришел в себя, – продолжал Барт, – воняло гарью. Самолет был на плаву, правое крыло полыхало. Ночь, темно как в гробу, но благодаря огню я смог оглядеться. Прополз по фюзеляжу, нашел надувную шлюпку. Сбросил ее из люка и сам выпрыгнул. Ох и ледяная была вода, не приведи Господи!

Голос звучал ровно, спокойно, но он крепко затягивался табачным дымом, глубоко вдыхал его, а потом выпускал длинной узкой струей.

– На мне был спасательный жилет, так что я пробкой вылетел на поверхность. Волнение было приличное, мотало вверх-вниз, как штаны у шлюхи. На удачу, лодка оказалась перед самым моим носом. Дернул за шнурок – она надулась, но влезть я в нее не мог. Не было сил подтянуться из воды. И все никак не мог понять, почему это. Не доходило, что выбито плечо, сломаны кисть, три ребра и прочее. Оставалось только цепляться за лодку да околевать от холода.

«А ведь было же время, – подумал Дигби, – когда я и правда считал Барта счастливым».

– Но потом откуда ни возьмись появились вдруг Джонс и Крофт. Оказалось, они держались за хвост, пока тот не потонул. Оба не умеют плавать, но жилеты спасли их, они ухитрились забраться в шлюпку и втащили меня. – Барт закурил новую сигарету. – Пикеринга я так и не видел. Не знаю, что с ним стало... Надо думать, лежит на дне.

Он замолчал. «Есть еще один член экипажа», – подумал Дигби и, когда пауза затянулась, спросил:

– Что насчет пятого?

– Да, Джон Раули, штурман, выжил, был на плаву. Мы слышали, как он кричал. Я-то был слегка не в себе, но Джонс и Крофт пытались на крик грести. – Барт беспомощно потряс головой. – Ты не представляешь, как это трудно. Волна высотой фута три-четыре, пожар догорает, так что почти ничего не видно, и ветер воеет просто как дикий зверь. Джонс звал Раули, у него сильный голос. Тот откликался. А потом лодку поднимало с одной стороны волны, а с другой она падала и при этом бешено вертелась юлой, так что когда он кричал снова, голос долетал уже совсем не оттуда... Сколько это продолжалось, не знаю. Раули отзывался, но все тише и тише. Слабел, замерзал... – Барт окаменел лицом. – Под конец стал кричать что-то жалкое... взывать к Богу, к матери... в общем, всякий вздор... А потом смолк, и все.

Дигби осознал вдруг, что задержал дыхание, чтобы не вторгнуться в столь ужасное воспоминание.

– Нас нашли вскоре после рассвета. Эсминец, который выслеживал немецкие подводные лодки, спустил катер и подобрал нас. – Барт глядел в окно, не видя зеленых холмов Хертфордшира. – Вот уж повезло так повезло, – вздохнул он.

* * *

Они посидели, помолчали.

- А как рейд в целом? Успех? – спросил наконец Барт.
- Катастрофа, – ответил Дигби.
- А моя эскадрилья?
- Старший сержант Дженкинс с экипажем вернулся благополучно. – Дигби вынул из кармана бумажку. – И капитан Арасаратнам тоже. Откуда он, кстати?
- С Цейлона.
- Сержанта Райли подбили, но он сумел дотянуть до дома.
- Ирландцы, они такие, – кивнул Барт. – А остальные?
- Дигби покачал головой.
- Но из моей эскадрильи в рейд ушло шесть самолетов! – вскричал Барт.
- Да, знаю. Так же, как тебя, подбили еще двоих. Вроде никто не выжил.
- Значит, Крейтон-Смит погиб. И Билли Шоу. И... О Боже. – Он отвернулся.
- Мне очень жаль.
- Из отчаяния Барта швырнуло в гнев.
- «Мне очень жаль!» Жаль ему! Тоже мне! Нас послали на смерть!
- Я знаю.
- Да ради Бога, Дигби, ты же работаешь в этом чертовом правительстве!
- Я работаю на премьер-министра.
- Черчилль имел обыкновение привлекать к работе людей из частного сектора промышленности, и Дигби, который еще до войны добился успехов в самолетостроении, служил у него палочкой-выручалочкой на случай, когда где-то провал.
- Значит, виноват не меньше других! Вот что, не трать-ка ты время на посещение хворых и немощных. Выметайся отсюда. Займись делом.
- Я и занимаюсь, – спокойно ответил Дигби. – Мне поручили выяснить, как такое могло произойти. Во вчерашнем рейде мы потеряли половину самолетов.
- Сдается мне, где-то там, наверху, засел предатель. Или какой-нибудь маршал авиации, болван, трепался в своем клубе, что завтра, дескать, воздушный налет, а бармен, тайный нацист, подслушивал, спрятавшись за пивным насосом.
- Это только один из вариантов.
- Барт глубоко вздохнул.
- Прости, Диггерс, – назвал он брата, как в детстве, – конечно, ты тут ни при чем. Я просто сорвал на тебе злость.
- Нет, серьезно, может, у тебя есть догадки, почему подбивают так много наших? Ты ведь вылетал на боевые задания раз десять, не меньше. Что скажешь?
- Ну, я не просто так заговорил про шпионов, – вдумчиво произнес Барт. – Представляешь, мы добираемся до Германии, а они тут как тут, наготове. Словно знают, что мы к ним летим!
- Почему ты так думаешь?
- Их истребители уже в воздухе, поджидают. Ну ты-то не можешь не понимать, как это трудно, когда выстраиваешь воздушную оборону, правильно подгадать время, чтобы в нужный момент поднять самолеты, потом направить их именно туда, где, как они полагают, окажемся мы. И уж потом истребители должны преодолеть наш потолок, забраться выше нашей предельной высоты и оттуда – при лунном свете! – нас обнаружить. Все это занимает такую уйму времени, что мы по идее должны успеть сбросить свой груз и убраться, пока нам не сели на хвост. Так нет же, ничего подобного!
- Дигби кивнул. Мнение Барта совпадало со словами пилотов, которых он уже успел опросить. Он собрался сказать ему об этом, когда Барт, глядя через плечо Дигби, улыбнулся. Обернувшись, тот увидел чернокожего в форме майора. Как и Барт, для майорского звания парень был слишком юн, но Дигби знал, что продвижение происходит автоматически, по

мере участия в боевых действиях: капитана авиации дают после двенадцати операций, майора – после пятнадцати.

– Привет, Чарлз, – радушно произнес Барт.

– Ну и заставил ты нас поволноваться, Бартлетт. Как ты? – Выговор у майора был карибский, приправленный неторопливостью оксбриджского происхождения.

– Говорят, жить буду.

Кончиком пальца Чарлз легонько коснулся ладони Барта с тыльной стороны, там, где она виднелась из-под повязки. Этот жест показался Дигби на удивление ласковым.

– Чертовски рад это слышать, – кивнул Чарлз.

– Чарлз, это мой брат Дигби. Дигби, это Чарлз Форд. Мы вместе учились в Тринити, пока не сбежали оттуда в авиацию.

– Ну, это был единственный способ увильнуть от сдачи экзаменов, – пожимая руку Дигби, вставил Чарлз.

– Как там твои африканцы? – спросил Барт.

Чарлз улыбнулся и пояснил, адресуясь к Дигби:

– У нас на аэродроме есть эскадрилья, в составе которой парни из Родезии. Летают отлично, но не могут смириться с тем, что приходится иметь дело с офицером, у которого мой цвет кожи. Мы окрестили их африканцами, и это раздражает ребят. Ума не приложу почему.

– Ну вы-то, очевидно, до раздражения не снисходите, – ответил Дигби.

– Я искренне верю, что, проявляя терпение и совершенствуя методы обучения, со временем мы сумеем цивилизовать подобных субъектов, хотя и находим их несколько... примитивными. – Чарлз отвел глаза.

От Дигби не укрылось, что под шуткой теплится гнев.

– Я как раз выспрашивал Барта, почему, по его мнению, мы теряем так много бомбардировщиков. А вы что скажете?

– В этом рейде я не участвовал, – пожал плечами Чарлз. – Что ни говори, повезло. Однако уже несколько операций прошло из рук вон плохо. Знаете, у меня впечатление, будто немцы видят нас сквозь облака. Как если бы у самолетов люфтваффе на борту была установлена штуковина, которая позволяет отслеживать нас, даже когда мы за пределами видимости.

Дигби покачал головой.

– Все подбитые самолеты врага разобраны до винтика и изучены, и ничего такого, о чем вы говорите, не нашли. Мы и сами из кожи вон лезем, чтобы изобрести что-то подобное, как и немцы, конечно, но нам до успеха далеко, а им, мы в этом уверены, – еще дальше. Думаю, причина в другом.

– Ну, другого объяснения у меня нет.

– А я все-таки думаю, без шпиона не обошлось, – заявил Барт.

– Понял. – Дигби поднялся с места. – Что ж, нужно возвращаться в Уайтхолл. Спасибо, что поделились со мной. Не последнее дело – поговорить с тем, кто на острие событий. – Он обменялся рукопожатием с Чарлзом, легонько хлопнул Барта по здоровому плечу. – Веди себя смирно, набирайся сил.

– Говорят, еще несколько недель, и мне разрешат летать.

– Не могу сказать, что это меня радует.

Дигби повернулся, чтобы уйти, но Чарлз его остановил:

– Я могу задать вам вопрос?

– Разумеется.

– В результате рейдов вроде этого мы несем потери в технике, залатать которые встает нам дороже, чем врагу восполнить урон, нанесенный нашей бомбежкой. Это ведь так?

- Вне всяких сомнений.
- В таком случае... – Чарлз в недоумении развел руками, – зачем? Зачем мы делаем это? Какой смысл бросать бомбы?
- Точно, – кивнул Барт. – И мне тоже хотелось бы это знать.
- А что нам остается? – вздохнул Дигби. – У нацистов под контролем вся Европа: Австрия, Чехословакия, Голландия, Бельгия, Франция, Дания. Италия им союзник, Испания симпатизирует, а с Советским Союзом у них пакт о ненападении. У нас на континенте военных сил нет. Как еще мы можем с ними бороться?
- Понятно, – кивнул Чарлз. – Значит, мы – все, что у вас есть.
- Вот именно. Если бомбежки прекратить, война закончена, Гитлер окажется на коне.

* * *

Премьер-министр смотрел «Мальтийского сокола». К старым кухням Адмиралтейства недавно пристроили кинозал. Установили то ли пятьдесят, то ли шестьдесят обитых плюшем стульев и, как полагается, повесили занавес из красного бархата. Но использовался зал в основном для просмотра хроники авианалетов или отбора пропагандистских фильмов, годных для проката на публике.

Поздно ночью, когда все поручения надиктованы, телеграммы разосланы, доклады прочитаны, резолюции наложены и помечены инициалами все протоколы, когда тревога, усталость и напряжение допекают так, что не заснуть, Черчилль усаживался в просторное кресло в начальственном первом ряду и за стаканом бренди погружался в какую-нибудь из свежеснятых грез Голливуда.

Когда в зал вошел Дигби, Хэмфри Богарт как раз втолковывал Мэри Астор, что, если убивают партнера, человек просто обязан как-то на это отреагировать. В зале было не продохнуть от табачного дыма. Черчилль взмахом руки указал на кресло. Дигби уселся и посмотрел последние минуты фильма. Когда по черному силуэту сокола побежали титры, Дигби сообщил боссу, что, похоже, люфтваффе загодя известно, на какой час назначен вылет британских бомбардировщиков.

Выслушав, Черчилль еще некоторое время не отрывал глаз от экрана, словно хотел посмотреть, кто сыграл Брайана. Он умел быть очаровательным, когда пускал в ход теплую улыбку и блеск голубых глаз, но сегодня, казалось, мрачней человека нет.

- А что думают в военно-воздушных силах? – произнес он наконец.
- Винят боевой порядок самолетов в воздухе. Если бомбардировщики летят плотным строем, то контролируют большой сектор вокруг себя, так что вражеских истребителей при подлете немедленно уничтожают.
- А вы что на это скажете?
- Ерунда. Плотный боевой строй никогда не работал. Нет, в наше уравнение определенно проникло некое неизвестное.
- Согласен. Но какое?
- Мой братец винит шпионов.
- Все шпионы, которых мы выловили, были любители. Впрочем, оттого-то мы их и поймали. Самые толковые, что и говорить, наверняка выскользнули из сети.
- А что, если у немцев технический прорыв?
- Контрразведка уверяет, что в разработке радара противник далеко позади нас.
- И вы этому верите?
- Нет.

Зажегся верхний свет. Черчилль в вечернем костюме выглядел, как всегда, щеголевато, но лицо осунулось от усталости. Из кармана жилета он вынул сложенный листок папиросной бумаги.

– Вот ключ. – Черчилль протянул листок Дигби.

Это оказался радиоперехват сигнала люфтваффе, по-немецки и по-английски. В расшифровке говорилось, что новая стратегия люфтваффе, а именно ночные боевые действия – *Dunkle Nachtjagd*, – обернулась триумфом благодаря ценной информации, поступившей от Фрейя. Дигби прочел расшифровку сначала по-английски, затем по-немецки. Слова «Фрейя» не было ни в том, ни в другом языке.

– Что это значит? – спросил он.

– Вот я и хочу, чтобы вы это выяснили. – Черчилль поднялся, сунул руки в рукава смокинга. – Проводите меня.

Выходя из зала, он повысил голос:

– Благодарю вас!

– Не за что, сэр, – отозвался голос из будки кинопроектора.

По пути через здание к ним присоединились, держась сзади, еще двое: инспектор Томпсон из Скотленд-Ярда и личный телохранитель Черчилля. Все вместе они пересекли парадный плац, на котором команда военнослужащих управлялась с аэростатом заграждения, и через калитку в заборе из колючей проволоки вышли на улицу. Лондон был затемнен, но полная луна светила достаточно ярко, чтобы видеть, куда идешь.

Вдоль плац-парада конной гвардии бок о бок они прошли до номера один по Сториз-гейт. В тылы дома номер десять по Даунинг-стрит, где испокон веков располагалась резиденция премьер-министров, попала бомба, поэтому Черчилль обосновался неподалеку, в пристройке к министерству обороны. Входная дверь пряталась под бомбозащитной стеной с амбразурой, откуда торчал ствол пулемета.

– Доброй ночи, сэр, – произнес Дигби.

– Так дальше нельзя, – заявил Черчилль. – С такими темпами к Рождеству мы лишимся всех наших бомбардировщиков. Мне нужно знать, что это еще за Фрейя.

– Я выясню.

– И самым безотлагательным образом.

– Да, сэр.

– Доброй ночи, – кивнул премьер-министр и вошел в дом.

Часть первая

Глава 1

В последний день мая 1941 года странный экипаж разъезжал по улицам Морлунде, городка на западном побережье Дании.

Это был датского производства мотоцикл «нимбус» с коляской. Движущийся мотоцикл сам по себе был тогда зрелищем необычным, поскольку бензин выдавался только врачам, полиции и, разумеется, немецкой армии, оккупировавшей страну. Но этот «нимбус» был к тому же еще переделан. Вместо четырехцилиндрового бензинового двигателя у него стоял паровой, снятый со сданного в лом речного катерка. Тянул он слабо, предельная скорость мотоцикла не превышала тридцати километров в час, и сопровождал его не привычный рев выхлопной трубы, а нежный посвист пара. Ход, на удивление неспешный и бесшумный, придавал зрелищу что-то даже величественное.

В седле сидел Харальд Олафсен, рослый юноша восемнадцати лет, с чистой кожей и светлыми, зачесанными назад с высокого лба волосами. Сущий викинг, если того одеть в школьный пиджачок. Чтобы купить «нимбус», он целый год откладывал деньги, отвалил за него целых шестьсот крон – и пожалуйста, буквально на следующий день немцы ввели ограничения на бензин.

Харальд впал в ярость. Какое право они имеют? Но воспитали его так, что следует действовать, а не вопить и стонать.

Еще год ушел на то, чтобы машину переоборудовать. Он трудился над ней во время школьных каникул, отрывая время от подготовки к вступительным экзаменам в университет. Вот и сегодня, на Троицын день приехав домой из школы-интерната, Харальд все утро заучивал физические формулы, а после обеда прилаживал к заднему колесу «звездочку» от ржавой газонокосилки. Теперь мотоцикл работал как миленький и вез его к клубу, где Харальд надеялся послушать джаз и даже, если повезет, познакомиться с девушками.

Он очень любил джаз. После физики джаз для него был интересней всего на свете. Лучше американцев джаз, конечно, никто не играет, но послушать стоит даже тех, кто подражает им в Дании. И в Морлунде выступали, бывало, вполне приличные музыканты, может, потому что это международный порт и какие только суда в него не заходят.

Однако подъехав к клубу «Хот» в самом сердце портового района, Харальд увидел, что дверь на замке, а окна закрыты ставнями.

Непонятное дело! Восемь вечера, суббота, одно из самых популярных мест в городе – да тут должен дым стоять коромыслом!

Пока он сидел, в недоумении глядя на безмолвное здание, прохожий остановился, задев его мотоцикл.

– Это что еще за штукавина?

– «Нимбус» с паровым двигателем. А вы не знаете, что с клубом?

– Как не знать, клуб-то мой. А на чем она ездит?

– Да на всем, что горит. Например на торфе. – Харальд махнул рукой на брикеты, уложенные за сиденьем коляски.

– На торфе?! – расхохотался прохожий.

– Так почему дверь заперта?

– Нацисты меня прикрыли.

– С чего бы это? – поразился Харальд.

– Я пригласил играть негров.

Видеть чернокожих музыкантов вживую Харальду еще не доводилось, но по патефонным пластинкам он знал, что играют они классно.

– Нацисты – невежды и свиньи! – сердито буркнул он, понимая, что вечер погублен.

Владелец клуба окинул улицу быстрым взглядом: убедиться, что никто его не услышал. Оккупационные власти особо в Дании зубы не показывали, тем не менее мало кто рисковал открыто оскорблять нацистов. Впрочем, вокруг никого не было. Он снова взглянул на мотоцикл.

– И как, ездит?

– Конечно!

– Кто его тебе переделал?

– Я сам.

Удивление переросло в уважение.

– Здорово придумано!

– Спасибо. – Харальд повернул краник, запуская пар в мотор. – Сочувствую насчет клуба.

– Да может, еще откроюсь через пару недель, если пообещаю, что выступать будут только белые.

– Джаз без негров? – презрительно тряхнул головой Харальд. – Это все равно что не пускать французских поваров в рестораны! – Он снял ногу с тормоза, и мотоцикл плавно двинулся с места.

Харальд подумал, не поехать ли в центр – может, встретятся знакомые в кафе и барах, разбросанных по периметру городской площади, – но досада на то, что джаз-клуб закрыли, была очень велика.

«Пожалуй, – решил он, – в центре еще сильнее расстроюсь».

И он направился к порту.

Отец Харальда служил пастором на Санде, острове недалеко от берега. Маленький паром, который сновал туда и обратно, как раз стоял в порту, и Харальд с ходу вкатил на него. Паром был полон людей, большей частью прекрасно ему знакомых. Веселая компания рыбаков, побывавших на футбольном матче, а потом по стаканчику выпивших; две зажиточные дамы в шляпках и перчатках, а при них – пони, запряженный в рессорную двуколку, и куча покупок; семейство в пять душ, навещавшее городскую родню. Нарядно одетая пара, которую он не признал, скорее всего направлялась на остров пообедать в тамошней гостинице, где имелся высокого класса ресторан. Мотоцикл Харальда привлек общее внимание, пришлось снова и снова рассказывать про паровой двигатель.

В последний момент на паром въехал «форд»-седан немецкого производства. Харальд знал эту машину: она принадлежала Акселю Флеммингу, владельцу единственной на острове гостиницы. Флемминги с семейством Харальда враждовали. Аксель Флемминг считал, что его положение обеспечивает ему на острове статус первого лица. Пастор же Олафсен полагал, что роль лидера подобает ему. Трения между соперничающими патриархами естественным образом сказывались на отношениях их домочадцев. Харальд подивился, как это Флемминг добыл бензин для своей машины. Впрочем, для богатых нет невозможного.

Море волновалось, с запада ползли черные тучи. Надвигался шторм, но, по мнению рыбаков, они успеют домой до того, как разыграется непогода. Харальд достал газету, которую подобрал в городе. Называлась она «Положение дел», печаталась нелегально, задачей своей ставила разжечь сопротивление оккупантам и распространялась бесплатно. Датская полиция попыток пресечь издание не предпринимала, да и гестапо, похоже, заниматься такой ерундой считало ниже своего достоинства. В Копенгагене газету читали открыто, на виду у всех, в поездах и трамваях. Здесь люди вели себя осторожней, так что Харальд сложил газетку так, чтобы название не бросалось в глаза, и прочел статью про перебои с маслом.

Сливочного масла Дания производила миллионы фунтов в год, но сейчас почти все отсылалось в Германию и датчанам стоило трудов купить хоть сколько-то. Статьи такого рода в легальной, подцензурной прессе не публиковались.

Знакомый распластанный силуэт острова становился все ближе. Островок небольшой, семь километров в длину и полтора в ширину, по деревне на каждом конце. Домики рыбаков и церковь с домом приходского священника составляли более старое поселение на южном конце острова. Там же располагалась навигационная школа, давно заброшенная, где немцы в последнее время устроили военную базу. Гостиница и дома побольше находились на северной оконечности островка. Два селения разделяли в основном песчаные дюны, низкий кустарник да редкие деревья. Зато со стороны моря километров на шесть тянулся превосходный пляж.

Первые капли дождя упали, когда паром приблизился к причалу на северной стороне острова. Нарядную пару поджидало гостиничное такси на конном ходу. Рыбаков встретила одна из рыбачек, прибывшая на телеге. Харальд решил пересечь остров и добраться домой вдоль пляжа, покрытого плотным песком, таким плотным, что там даже устраивались соревнования гоночных машин.

Он был на полпути от причала к гостинице, когда в мотоцикле иссяк пар. Для хранения запаса воды Харальд использовал бензобак мотоцикла, и теперь стало ясно, что этого недостаточно. Придется раздобыть двадцатилитровую канистру для нефтепродуктов и держать ее в коляске. А пока, чтобы добраться до дома, нужна вода.

Поблизости виднелось только одно жилье, и вот незадача: это был дом Акселя Флемминга. Видимость отношений, несмотря на соперничество, Олафсены и Флемминги поддерживали: все Флемминги каждое воскресенье приезжали на церковную службу и сидели вместе в первом ряду, – и тем не менее просить одолжения у недругов Харальду улыбалось не слишком. Он подумал, не пройти ли пешком метров семьсот до следующего жилья, но решил, что это глупо, и, вздохнув, направился по длинной подъездной дорожке.

Стучать в дверь не стал, а прошел вдоль стены дома к конюшням и обрадовался, увидев работника, который загонял «форд» в гараж.

– Привет, Гуннар, – кивнул он. – Можно немного воды?

Тот был само дружелюбие.

– Конечно. Вон во дворе кран.

Рядом с краном Харальд нашел ведро. Наполнив его, пошел к мотоциклу и перелил воду в бензобак. Похоже, удастся счастливо миновать встречи с кем-либо из хозяев. Но, вернувшись к крану, чтобы поставить ведро на место, он столкнулся с Петером Флеммингом, сыном Акселя.

Высокий, недоброго вида мужчина лет тридцати в хорошо сшитом костюме из желто-серого твида, Петер смотрел на Харальда, нахмурившись. До того как семьи разошлись, он считался лучшим другом старшего брата Харальда, Арне, и оба они лет до двадцати слыли грозой девиц: Арне охмурял их улыбчивостью и шутками-прибаутками, а Петер – загадочностью с намеком на искушенность. Теперь Петер жил в Копенгагене, а в родительский дом приехал на Троицу.

Петер читал «Положение дел». Видимо, заметив что-то, с его точки зрения, неподобающее, он оторвался от газеты, качая головой. И увидел Харальда.

– Что ты тут делаешь?

– Здравствуй, Петер. Пришел за водой.

– Это твоя газетенка?

Харальд схватился за карман и с ужасом понял, что газета, наверное, выпала, когда он потянулся за ведром.

Петер, увидев, как рука метнулась к карману, верно истолковал движение.

– Вижу, твоя. А известно ли тебе, что можно пойти в тюрьму только за то, что держишь ее в кармане?

Разговор о тюрьме не был пустой угрозой – Петер служил в полиции.

– В городе их читают все, – с вызовом произнес Харальд, на самом деле испуганный: у Петера достало бы вредности его арестовать.

– Здесь тебе не Копенгаген, – важно заявил тот.

Харальд знал, что Петер не упустит шанса унижить Олафсенов. Однако он медлил, и Харальд понял почему.

– Ты будешь выглядеть как дурак, если арестуешь школьника на Санде за то, что полстраны делает совершенно открыто. Особенно когда все знают: у тебя зуб на моего отца.

Петер явно разрывался между желанием устать Харальда и опаской сделаться всеобщим посмешищем.

– Никто не может нарушать закон, – буркнул он.

– Чей закон – наш или немецкий?

– Закон есть закон.

Харальд почувствовал себя уверенней. Петер не стал бы подобным образом держать оборону, если бы собирался на самом деле его арестовать.

– Ты говоришь так потому, что твой отец зарабатывает кучу денег, развлекая немцев в своей гостинице!

Удар попал в цель. Гостиница и ресторан пользовались популярностью у немецких офицеров, которым было что тратить в отличие от датчан. Петер вспыхнул от злости:

– А твой отец мутит воду, проповедуя в церкви неповиновение.

Это была правда: пастор осуждал нацистов, опираясь на тезис «Христос был еврей».

– Он что, – давил Петер, – не понимает, сколько проблем возникнет, если люди взбунтуются?

– Конечно, понимает. Основатель христианской религии сам был, что называется, возмутитель спокойствия.

– При чем тут религия? Я должен следить за порядком здесь, на земле.

– Какой, к черту, порядок, когда мы под захватчиками! – вспыхнул Харальд, выплеснув раздражение, скопившееся за этот незадавшийся вечер. – С чего это немцы решили, что они могут нами командовать? Следует дать им пинка под зад, и пусть катятся с нашей земли подальше!

– Нельзя ненавидеть немцев – немцы наши друзья, – произнес Петер с добродетельным самодовольством.

– Как я могу ненавидеть немцев, ты, олух! – взвился Харальд. – У меня у самого немцы в кузенах!

Сестра пастора вышла замуж за процветающего дантиста из Гамбурга, который в двадцатых приехал на Санде отдохнуть. Их дочь Моника была первой девушкой, с которой Харальд поцеловался.

– Они страдают от нацистов почище нашего! – воскликнул он.

Дядя Иоахим был еврей, и, несмотря на то что крещеный и старшина в своей церкви, нацисты сначала разрешили ему лечить только евреев и, таким образом, разрушили его клиентуру. А год назад его арестовали по подозрению в хранении золота и отправили в особую тюрьму – концентрационный лагерь в баварском городке Дахау.

– Люди сами навлекают на себя неприятности, – поделился своей житейской мудростью Петер. – Не должен был твой отец разрешать сестре выходить за еврея. – Он швырнул газетку оземь и пошел к дому.

Поначалу Харальд лишился дара речи. Потом наклонился, поднял газету и крикнул в удаляющуюся спину Петера:

– Да ты сам уже говоришь как нацист!

Проигнорировав эту реплику, Петер вошел в кухню и захлопнул за собой дверь.

Харальд так и остался стоять, вне себя оттого, что проиграл в споре. Он знал, что Петер сказал нечто недопустимое.

Пока он возвращался к мотоциклу, дождь припустил, и оказалось, что пламя под бойлером погасло. Думая разжечь его снова, Харальд пустил на растопку злосчастный номер «Положения дел». В кармане лежал коробок хорошего качества спичек, но вот мехов, с помощью которых он раздул огонь утром, при себе у него не оказалось. Под проливным дождем, в три погибели согнувшись над топкой, он минут двадцать потратил, отчаянно пытаясь оживить мотоцикл, а потом сдался и решился идти пешком.

Он поднял воротник своего пиджачка. Метров восемьсот толкал мотоцикл до гостиницы, там оставил его на стоянке для машин и налегке пустился по пляжу. В это время года, за три недели до летнего солнцестояния, вечерами в Скандинавии обычно светло часов до одиннадцати, но сегодня небо покрыли тучи, а густые струи дождя донельзя ухудшили видимость. Харальд шел по краю дюн, ориентируясь на ощущение утоптанного песка под ногами и шум моря с правой стороны. Очень скоро он до нитки промок, так что, хоть плыви, мокрее не станешь.

Крепкий и выносливый, как борзая, Харальд два часа спустя, подойдя к ограждению вокруг новой немецкой базы, чувствовал себя разбитым, промерзшим и несчастным. Особенно когда понял, что придется сделать крюк в четыре километра, чтобы обойти базу и добраться до дома, до которого, если напрямик, совсем близко, рукой подать.

Был бы сейчас отлив, он пошел бы дальше по пляжу, потому что, хотя проход по этой его части под запретом, в такую погоду охрана нипочем бы его не заметила. Однако начался прилив и вода достигла ограды. Он подумал было, не переплыть ли запретную зону, но сразу отказался от идеи. Как всякий, кто вырос в рыбацкой деревне, Харальд испытывал опасливое уважение к морю, и знал, как это неразумно – пускаться вплавь ночью, в непогоду, да еще когда сильно устал.

Но через забор все-таки перелезть можно.

Дождь попритих, и в прореху между бегущими облаками неуверенно заглянула четвертинка луны, кое-как осветив залитую водой окрестность. Харальд разглядел ограду из мелкаячеистой сетки, увенчанную двумя нитками колючей проволоки, на вид неприступную, но не такую уж и преграду для решительно настроенного парня в хорошей физической форме. Метрах в пятидесяти от моря ограда пересекала заросли кустарника и низкорослых деревьев, которые создавали прикрытие.

«Там и перелезу», – решил Харальд.

Он знал, что увидит за забором. Прошлым летом трудился там на строительстве. В то время никто из рабочих понятия не имел, что возводят они военную базу. Подрядчики, строительная фирма из Копенгагена, заверили всех, что сооружается новая станция береговой охраны. Скажи они правду, возникли бы проблемы с наймом. Тот же Харальд, к примеру, по доброй воле не стал бы работать на оккупантов.

А когда здания были построены, а территория окружена проволочной оградой, всех датчан отослали и привезли немцев, чтобы устанавливать оборудование. Но Харальд уже имел представление, где там что. Заброшенную навигационную школу отремонтировали, по бокам у нее пристроили два новых здания. Все сооружения расположены в отдалении от пляжа, так что можно пересечь территорию, держась поодаль. Кроме того, в этой части растет достаточно низких кустов, чтобы за ними укрыться. Только и нужно, что держать ухо востро и не нарваться на патрульных.

Достигнув зарослей, юноша перебрался через ограду, стараясь не задеть колючую проволоку на самом верху, и спрыгнул с другой стороны, бесшумно приземлившись на мокрый

песок. Огляделся, всматриваясь во тьму, различая лишь смутные очертания деревьев. Здания не были видны, но оттуда доносилась приглушенная музыка и взрывы смеха. Субботний вечер. Солдаты, надо думать, угощаются пивом, в то время как их командиры ужинают в ресторане при гостинице Акселя Флемминга.

Харальд двинул наискосок, перебежками, в зыбком лунном свете держась поближе к кустам. Ориентироваться помогали шум волн справа и звуки музыки слева. Миновал высокое сооружение, распознав в нем башню с прожектором. Всю местность вокруг при необходимости можно было ярко осветить, но, как правило, на базе действовало затемнение.

Вдруг откуда-то слева раздался резкий шум. Харальд с бьющимся сердцем приник к земле... Покопался на зданиях. Там распахнулась дверь, в ночи возник яркий прямоугольник света. Из двери вышел солдат. Побежал по двору. Другая дверь в другом здании распахнулась и впустила его.

Харальд перевел дух.

Потом он пошел под уклон, мимо растущих в ряд елок – к ложине. На самом ее дне высилось какое-то сооружение. Сквозь пелену дождя разглядеть его толком Харальд не мог, но не припоминал, чтобы здесь что-то такое строилось. Приблизившись, различил округлую бетонную стену примерно в его рост. Поверх стены что-то двигалось и тихо жужжало, как работающий электрический мотор.

Видно, немцы построили это после того, как сплавляли отсюда всех местных рабочих. Странно, что с той стороны ограды сооружение никогда не бросалось в глаза, удивился Харальд, но потом понял, что оно и деревьями загорожено, и стоит в низине, так что единственное место, откуда его, наверное, можно заметить, пляж. А на пляж, примыкающий к базе, посторонним ходу нет.

Он запрокинул голову, чтобы присмотреться к деталям. Дождь заливал лицо, жалил глаза. Но любопытство оказалось сильнее. Как можно взять да пройти мимо! Луна, вырвавшись из-за туч, вспыхнула ярче. Прищурившись, он пригляделся и различил над округлой стеной решетку, металлическую или из проволоки, формой похожую на пружинный матрас, метров четырех в высоту. Вся штукавина вращалась, как карусель, совершая оборот каждые несколько секунд.

Харальд стоял, не в силах оторваться от зрелища. Такой машины он еще не видел и, при его-то техническом складе ума, очень был заинтригован. Что это? Для чего? Почему вращается? Звук ни о чем не говорил: это просто мотор, который заставляет вращаться. Понятно, что не пушка, – во всяком случае, не обычная пушка, потому что нет дула. Скорее всего что-то связанное с радио.

Поблизости кто-то кашлянул.

Харальд отреагировал по наитию. Подпрыгнул, ухватился за верх стены и подтянулся. Затаясь, полежал на неширокой стене, чувствуя, что весь на виду, а потом осторожно соскользнул с внутренней стороны. Мелькнуло опасение, что есть риск ступить на какую-нибудь движущуюся часть машины, но он рассудил, что, сто процентов, по периметру должна быть дорожка, по которой передвигается обслуживающий персонал, и после минутных сомнений коснулся ногой прочного бетонного пола. Гудение стало громче, запахло машинным маслом, а язык ощутил характерный вкус статического электричества.

Кто же кашлял? Наверное, патрульный прошел мимо. Шагов в шуме дождя и ветра не различить.

«К счастью, по той же причине вряд ли кто слышал, как я вскарабкиваюсь на стену. Но что, если патрульный заметил меня?»

Тяжело дыша, Харальд прижался спиной к внутренней стороне округлой стены, с замираньем сердца представляя, как отыщет его мощный луч фонаря патрульного.

«Интересно, что будет, если меня поймают...» Немцы здесь, в провинции, ведут себя дружелюбно, большей частью не корчат из себя завоевателей. Напротив, кажется, что им в этой роли даже неловко.

«Скорее всего меня передадут датской полиции».

Но как поведут себя полицейские, сказать трудно. Служи Петер Флемминг в местном отделении, он, конечно же, позаботился бы о том, чтобы Харальду всыпали по первое число, но, к счастью, служит он в Копенгагене. Но чего Харальд страшился пуще всякого официального наказания, так это гнева отца. У него прямо в ушах зазвучала пулеметная очередь саркастических вопросов, которые задаст ему пастор: «А, так ты перелез через забор? И ступил на территорию закрытой военной базы? Ночью? Чтобы скорее попасть домой? Потому что шел дождь?»

Но луч фонаря не нашел Харальда. Он выжидал, глядя на темную вращающуюся махину прямо перед собой. Вроде бы видны толстые связки кабелей, которые, спускаясь из нижней части решетки, пропадают из виду, уходя в глубь шахты с дальней от него стороны.

«Кабели, надо полагать, для того, чтобы получать радиосигналы или посылать их», – подумал он.

Прошло несколько нескончаемо долгих минут, и Харальд решил, что патрульный уже ушел. Он взобрался на стену и сквозь струи дождя еще раз пригляделся. По обе стороны от вращающегося сооружения виднелись темные силуэты поменьше, но там ничего не двигалось – видимо, это машинное оборудование. Патрульных не наблюдалось. Он соскользнул с внешней стороны стены и, пригнувшись, перебежками, снова направился через дюны.

Был момент, когда луна скрылась за черной тучей. Все накрыла тьма, и Харальд с грохотом налетел на дощатую стену. Потрясенный, перепуганный, он сдавленно выругался и только тут осознал, что наткнулся на старый лодочный сарай, построенный еще в бытность здесь навигационной школы. Сарай совсем обветшал, но немцы решили в порядок его не приводить, в нем не было надобности. Харальд постоял, прислушался, но услышал только, как колотится сердце.

Больше ничего особого с ним не приключилось. Он добрался до проволочного ограждения, благополучно через него перелез и направился было к дому, но решил свернуть к церкви. В длинном ряду прямоугольных окошек, прорезанных в стене, обращенной к морю, теплился свет. Удивившись, что поздним субботним вечером в церкви кто-то есть, Харальд глянул в окошко.

Церковное здание было растянуто в длину, с низкой крышей. По особо торжественным случаям оно вмещало все население острова – четыреста человек, – но едва-едва. Скамьи стояли рядами спинками к выходу. Алтаря не было. Стены голые за исключением нескольких цитат из Священного Писания в рамках.

В вопросах религии датчане не слишком догматичны, и большая часть нации – лютеране. Однако век назад случилось так, что рыбаков острова Санде обратили в более строгий извод лютеранства, и тридцать последних лет отец Харальда поддерживал свет этой веры, собственной жизнью являя пример бескомпромиссного аскетизма и крайней строгости нравов, укрепляя твердость паствы еженедельными проповедями, лицом к лицу противостоя отступникам и внушая им ужас сиянием святости, пылающей в его голубых глазах. Вопреки всему сын его к когорте верующих не принадлежал. Харальд, когда бывал дома, богослужения посещал, чтобы не ранить чувства отца, но во взглядах с ним расходился. Не успев разобраться толком, что думает о религии в целом, он уже осознал, что не верит в бога мелочных правил и мстительных наказаний.

Глянув в окно, он услышал музыку. У пианино сидел его брат Арне и, легонько касаясь клавиш, наигрывал джазовую мелодию. Харальд даже улыбнулся от удовольствия. Арне

приехал! Остроумный и утонченный, он украсит и оживит долгие выходные в пасторском доме.

Пройдя к входной двери, Харальд проскользнул в церковь. Арне, даже не оглянувшись, плавно перешел на церковный гимн. Харальд усмехнулся. Видно, брат услышал скрип, когда дверь отворилась, и подумал, что это отец. Пастор не одобрял джаз и уж в любом случае никогда бы не разрешил, чтобы подобная музыка звучала в его церкви.

– Это всего лишь я, – усмехнулся Харальд.

Арне обернулся. Он был в коричневой армейской форме. На десять лет старше Харальда, Арне служил авиаинструктором в военно-воздушных войсках, в летной школе под Копенгагеном. Немцы приостановили всю деятельность датской армии, и воздушный флот большую часть времени простаивал на аэродромах, но инструкторам разрешили учить летать на планерах.

– Я приметил тебя краем глаза и подумал, что это старик. – Арне любовно, с головы до ног, окинул Харальда взглядом. – Ты все больше становишься похож на него.

– Значит, я облысею?

– Не исключено.

– А ты?

– Не думаю. Я пошел в мать.

Это была правда. Арне взял от матери ее темные волосы и ореховые глаза. Харальд же был светловолос, как отец, и унаследовал от него пронзительный взгляд голубых глаз, которым священник нагонял страх на свою паству. Оба, и Харальд, и отец, имели внушительный рост. Рядом с ними Арне, которому немного недоставало до метра восьмидесяти, казался низковатым.

– Я хочу тебе кое-что сыграть, – признался Харальд.

Арне встал со стула, и Харальд занял его место у пианино.

– Выучил с пластинки, которую кто-то принес в школу. Знаешь Мэдса Кирке?

– Он двоюродный брат моего сослуживца Поуля.

– Точно. Так вот он – представляешь? – открыл американского пианиста по имени Кла-ренс Пайнтоп Смит. – Харальд помедлил. – А что сейчас старик делает?

– Пишет на завтра проповедь.

– Годится.

Из пасторского дома, стоящего метрах в пятидесяти от церкви, пианино не услышать, да и вряд ли пастор оторвется от своих занятий, чтобы зачем-то пройтись до церкви, к тому же в такую погоду. И Харальд заиграл буги-вуги. Пространство церкви наполнилось страстными гармониями американского юга. Харальд был рьяный пианист, хотя мать и говорила, что рука у него тяжелая. Играя, он не усидел, поднялся, ногой отпихнул стул, да так, что тот повалился, и продолжил играть стоя, согнув над клавиатурой свое длинное тело. Так он больше мазал по клавишам, но ошибки мало что значили, если держать нужный ритм. Он жажнул последний аккорд и сказал по-английски: «That's what I'm talkin' about!» – в точности как Пайнтоп на пластинке.

– Недурно! – расхохотался Арне.

– Ты бы слышал оригинал!

– Пойдем постоим на крыльце. Я покурю.

Харальд встал.

– Старику это не понравится.

– Мне двадцать восемь, – пожал плечами Арне. – Я достаточно взрослый, чтобы отец не диктовал мне, что делать.

– Я-то с этим согласен... А он?

– Что, боишься?

– Конечно, боюсь. И мама боится, и все до исключения жители острова боятся... Даже ты.

– Ну ладно, может, немного. – Арне ухмыльнулся.

Они вышли из церкви, укрывшись от дождя под маленьким портиком. На дальнем конце песчаного участка темнел силуэт пасторского дома. В ромбовидном окошке, врезанном в кухонную дверь, светился огонек. Арне вынул пачку сигарет.

– Есть что-то от Хермии? – поинтересовался Харальд.

Арне был обручен с английской девушкой, которую больше года не видел, с тех пор как немцы оккупировали Данию.

Арне покачал головой.

– Я пытался ей написать. Раздобыл адрес британского консульства в Гетеборге. – Датчанам разрешалось посылать письма в нейтральную Швецию. – На конверте надписал ее имя, будто она живет в этом доме, а что там консульство – не указал. Думал, им меня не поймать, но не тут-то было. Цензоры не дураки. Командир вернул мне мое письмо и сказал, что если я еще раз выкину что-то подобное, меня отдадут под трибунал.

Харальду Хермия нравилась. Некоторые из подружек Арне были, как бы это сказать, туповатые блондинки, но у Хермии имелись и мозги, и характер. В первую их встречу Харальд робел перед ее яркой красотой и прямой манерой общения, но она завоевала его сердце тем, что обращалась с ним как с мужчиной, а не с чьим-то там младшим братиком. И потом, она потрясающе выглядела в купальнике.

– Ты все еще хочешь жениться на ней?

– Господи, еще бы! Если она жива. Могла ведь погибнуть, когда Лондон бомбили.

– Тяжело, наверное, не знать...

Арне кивнул и поинтересовался:

– А как у тебя? Есть успехи?

Харальд пожал плечами.

– Девушки моего возраста не интересуются школьниками. – Он постарался сказать это безразличным тоном, но на самом деле переживал. Его пару раз довольно безжалостно отвергли.

– Надо думать, они предпочитают ухаживания тех, у кого есть что на них потратить.

– Вот именно. А девушки помоложе... На Пасху я познакомился с одной, Биргит Клауссен.

– Из тех Клауссенов, которые судостроители в Морлунде?

– Да. Она миленькая, но ей только шестнадцать и говорить с ней не о чем.

– Оно и к лучшему. Клауссены – католики, наш старик был бы против.

– Я знаю, – нахмурился Харальд. – Вообще-то это, знаешь ли, странно. На Пасху повесть была как раз о веротерпимости.

– Он примерно так же веротерпим, как граф Дракула. – Арне отбросил окурочек. – Что ж, пойдем побеседуем со старым тираном.

– Послушай, я хотел спросить...

– Да?

– Как там вообще в армии?

– Погано. Мы не смогли защитить нашу страну, и летать нам не разрешают.

– Сколько это продлится?

– Кто его знает. Может, вечность. У нацистов все под пятой. Сопротивляются только британцы, да и те... на ниточке висят.

Харальд понизил голос, хотя слышать их было некому.

– Неужели в Копенгагене никто не думает о том, что пора организовать сопротивление?

Арне пожал плечами.

– Если даже и думает и мне об этом известно, я же не могу поделиться с тобой, правда? Прежде чем Харальд успел ответить, Арне широкими скачками побежал под дождем на свет из кухонной двери.

* * *

Хермия Маунт с неудовольствием взирала на свой обед – две подгоревшие сосиски, ложка водянистого пюре да кучка переваренной капусты – и с тоской вспоминала ресторанчик на набережной Копенгагена, где подавали три вида сельди, салат, пикули, горячий хлеб и отличное пиво.

Она выросла в Дании. Отец ее, британский дипломат, большую часть своей карьеры прослужил в скандинавских странах. Хермия тоже работала в британском посольстве в Копенгагене – сначала секретаршей, а потом помощницей военно-морского атташе.

Но 9 апреля 1940 года в Данию вторгся Гитлер. Четыре беспокойных дня спустя Хермия вместе с группой британских официальных лиц покинула страну дипломатическим спецпоездом, который провез их через всю Германию к голландской границе, откуда через нейтральные Нидерланды они проследовали в Лондон.

Теперь тридцатилетняя Хермия служила аналитиком разведслужбы МИ-6, отвечая за Данию. Вместе с большинством сотрудников ее перевели из лондонской штаб-квартиры, располагавшейся неподалеку от Букингемского дворца по адресу: Бродвей, 54, – в Бличли-парк, просторный загородный особняк на краю деревни, расположенной в восьмидесяти километрах к северу от столицы.

Столовой там служил построенный на территории щитовой домик.

«Конечно, это здорово, – думала Хермия, – что бомбежки нам не грозят, но как бы хотелось, чтобы из Лондона каким-нибудь чудом переместился еще и ресторанчик, французский либо итальянский, где подают что-то удобоваримое».

Подцепив вилкой комок пюре, она отправила его в рот и постаралась проглотить. Чтобы не думать о том, что ест, развернула и устроила рядом с тарелкой сегодняшнюю «Дейли экспресс».

Британия только что потеряла остров Крит в Средиземном море. «Экспресс» пыталась сделать хорошую мину при плохой игре, утверждая, что битва обошлась нацистам в восемнадцать тысяч человек, но печальная правда, как ни верти, состояла в том, что это еще одна победа в длинном списке военных успехов Гитлера.

Оторвавшись от чтения, Хермия заметила невысокого мужчину примерно ее лет. Он шел к ней с чашкой чаю в руке. Шел бодро, но заметно прихрамывал.

– Можно? – дружелюбно поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, уселся напротив. – Меня зовут Дигби Хоар. Кто вы, я знаю.

– Будьте как дома, – с язвинкой произнесла она.

Ирония цели не достигла. Он только пробормотал «спасибо».

Пару раз она уже его видела. Несмотря на хромоту, он производил впечатление человека энергичного. Не то что бы киногерой, с такими-то непослушными темными вихрами, но глаза славные, голубые, а черты лица привлекательно грубоватые, рубленые, в духе Хэмфри Богарта.

– Вы из какого отдела? – спросила она.

– Вообще-то я работаю в Лондоне.

«Вообще-то я не об этом спрашивала».

Хермия отпихнула тарелку.

– Что, не нравится еда? – усмехнулся он.

– А вам нравится?

– Я вот что скажу. Я, знаете, допрашивал летчиков, которых сбили над Францией, и им пришлось самостоятельно добираться домой. Так вот, когда мы думаем, что у нас плохо с едой, то даже не представляем, что такое плохо в реальности. Лягушатники голодают по настоящему. Наслушавшись откровений этих летчиков, я решил, что капризничать больше не стану.

– Нехватка не оправдывает дрянную готовку, – отрезала Хермия.

Дигби усмехнулся.

– Меня предупреждали: вам палец в рот не клади.

– Да? И что вам еще рассказывали?

– Что по-датски вы говорите как по-английски, именно потому и возглавили датский отдел.

– Нет. Причина – война. Раньше ни одна женщина в разведке не поднималась выше секретарши. Женщинам, понимаете ли, природой отказано в уме: кухня и детская был наш удел, – но с началом войны женский мозг разительно изменился, и нам сделались вдруг доступны те задачи, которые прежде под силу были только интеллекту мужчин.

На саркастическую тираду Дигби отозвался с добродушным юмором.

– Я тоже заметил! Что ж, мир полон чудес.

– Зачем вам понадобилось расспрашивать обо мне?

– Причин две. Первая: вы самая красивая женщина, какую я в жизни видел. – На этот раз он не усмехался.

Ему удалось ее удивить. Не так часто случалось, чтобы мужчины называли ее красивой. Пожалуй, привлекательной... иногда – удивительной... чаще – эффектной. У нее было овальное лицо и правильные черты, но жесткие темные волосы, тяжелые веки и длинноватый нос не позволяли назвать ее хорошенькой. Что ответить поостроумней, она не нашлась.

– А вторая причина?

Он глянул в сторону. За их столом сидели еще две женщины постарше, и хотя они живо болтали между собой, не исключено, что вполуха прислушивались к разговору Дигби и Хермии.

– Об этом я скажу вам через минуту, – кивнул он. – Может, согласитесь со мной покутить?

– Что?! – Он снова застал ее врасплох.

– Я могу вас куда-нибудь пригласить?

– Безусловно, не можете.

Казалось, он сбит с толку. Но потом его ухмылка вернулась.

– Правильно. Не надо подслащивать пилюлю, рубите сплеча.

Она поневоле улыбнулась.

– Мы могли бы пойти в кино, – настаивал Дигби. – Или в паб «Баранья лопатка» в Олд-Бличли. Или сначала в кино, а потом в паб.

Она покачала головой:

– Нет, спасибо.

Он тяжело вздохнул и, казалось, упал духом.

«Что, если он думает, будто я отвергаю его из-за увечья?» – всполошилась Хермия и поспешила расставить все по своим местам, показав ему кольцо на левой руке:

– Я обручена.

– А я и не заметил.

– Мужчины никогда не замечают.

– И кто этот счастливец?

– Летчик, датчанин.

– Он, надо полагать, там.

– Насколько я знаю, да. Уже год никаких сведений нет.

Две дамы вышли из-за стола, и тон Дигби сразу переменялся. Выражение лица стало серьезным, голос – тихим и настойчивым.

– Взгляните на это, пожалуйста. – Он вынул из кармана и протянул ей листок папиросной бумаги.

Она сразу поняла, что это за листок. Не раз видела такие здесь, в Бличли-парке. Это была дешифровка вражеского радиосигнала.

– Вряд ли есть нужда говорить вам, до какой степени это секретно, – предупредил Дигби.

– Нужды нет.

– Полагаю, кроме датского вы знаете еще и немецкий.

Она кивнула.

– В Дании все школьники учат немецкий, английский и еще латынь. – Она взгляделась в текст. – Информация от Фрейи?

– Вот что для нас загадка. Это ведь не немецкое слово. Я думал, может, оно из группы скандинавских языков.

– Так и есть, – кивнула Хермия. – Фрейя – это норвежская богиня. Точнее, Венера викингов, богиня любви.

– Вот как, – задумчиво произнес Дигби. – Уже что-то, хотя я не вижу, что это нам дает.

– А в чем дело?

– Слишком много бомбардировщиков у нас сбивают.

Хермия нахмурилась.

– Я читала о последнем большом рейде в газетах. Пишут, это успех.

Дигби посмотрел ей в глаза.

– Понятно, – вздохнула она. – Вы не говорите правды газетчикам.

Он опять не отозвался.

– В сущности, все мои представления о бомбардировках – результат пропаганды, – продолжила она. – А дело, видимо, в том, что они полностью провалились. – Как назло, он и тут не стал ей перечить. – Да ради Бога, сколько же самолетов мы теряем?

– Пятьдесят процентов.

– Господи! – Хермия отвела глаза. У летчиков наверняка есть невесты... – Но послушайте! Если так пойдет дальше...

– Вот именно.

– Фрейя – это шпион? – Она снова взглянула на шифровку.

– Мне поручили это узнать.

– Я могу помочь?

– Расскажите мне об этой богине.

Хермия порылась в памяти. Норвежские мифы они изучали в школе, но это было давно.

– У Фрейи было золотое ожерелье, очень ценное. Подарок от четырех гномов. А охранял его страж, тоже бог... Хеймдалль, кажется, его имя, сын Одина и девяти матерей...

– Страж? Это имеет смысл.

– Может быть, Фрейя – это шпион, который имеет доступ к информации о подготовке воздушных налетов?

– Или же механизм, который засекает приближающиеся самолеты еще за пределами видимости.

– Я слышала, у нас есть что-то подобное, но не знаю, как это работает.

– Есть три разновидности: инфракрасный излучатель, оптический локатор и радар. Инфракрасные детекторы улавливают тепловое излучение горячего авиадвигателя или же выхлопных газов. Оптический локатор – это система оптических импульсов, которые посы-

лает устройство обнаружения. Отразившись от самолета, они возвращаются. Радар действует по тому же принципу, только посылает радиоимпульс.

– Я вот что еще вспомнила. Хеймдалль видит на сотню километров окрест, днем и ночью.

– Значит, скорее это механизм.

– И я так думаю.

Дигби, допив свой чай, поднялся.

– Если еще что-то надумаете, дадите мне знать?

– Конечно. Где я вас найду?

– На Даунинг-стрит, десять.

Это произвело впечатление.

– Вот как?

– До свидания.

– До свидания, – отозвалась Хермия и проводила его взглядом.

Она посидела еще немного, обдумывая разговор, интересный во многих отношениях. Дигби Хоар, это очевидно, человек влиятельный: сам премьер-министр озабочен потерями бомбардировщиков. И вот еще что любопытно: случайность ли имя богини – Фрейя – или действительно указывает на Скандинавию?

Ей польстило, что Дигби пригласил ее на свидание. Конечно, встречаться она ни с кем не собирается, но все равно приятно, когда тебя приглашают. А вот несъеденная еда на тарелке выглядела противно. Хермия отнесла свой поднос к столу с грязной посудой, соскребла все с тарелки в помойное ведро и направилась в туалет.

Еще в кабинке она услышала, как вошла компания молодых, оживленно болтающих женщин. Хермия собралась выйти, как вдруг одна из них прошептала:

– А Дигби Хоар, смотрите-ка, даром времени не теряет!

Хермия, держась за ручку двери, замерла.

– Я видела, как он атаковал мисс Маунт! – произнес голос пониже. – Вот бабник!

Все захихикали. Хермия, стоя в кабинке, нахмурилась.

– По-моему, она дала ему от ворот поворот, – ответила первая.

– Еще бы! Я бы тоже отшила. У него нога деревянная!

– Интересно, снимает он ее, когда в постели, – произнесла третья, с шотландским акцентом, и все засмеялись.

Это было уже чересчур. Распахнув дверь, Хермия появилась со словами:

– Если выясню, я вам сообщу.

Девушки потеряли дар речи, и Хермия покинула помещение прежде, чем они успели прийти в себя.

Она вышла из столовой. Просторная лужайка с раскидистыми кедрами и прудом с лебедями была обезображена домиками, построенными второпях, чтобы поселить сотни эвакуированных из Лондона сотрудников. Хермия прошла парком к главному дому, затейливому викторианскому особняку из красного кирпича.

Войдя через высокий портик, она направилась к своему кабинету в том крыле, где в старые времена жили слуги. Кабинетом пышно именовалась комнатка Г-образной формы, сапожком, где когда-то, возможно, хранилась обувь. Там имелось только одно оконце, посаженное слишком высоко, чтобы в него выглянуть, поэтому она весь день сидела при свете. На письменном столе стоял телефон, на боковом столике – пишущая машинка. У ее предшественника была секретарша, а у нее – нет: считалось, женщина сама в состоянии напечатать свои бумаги. На столе лежал пакет, поступивший из Копенгагена.

Когда Гитлер оккупировал Польшу, Хермия заложила в Дании основу небольшой разведывательной сети. Руководил сетью приятель ее жениха, Поуль Кирке. Он собрал группу

молодых людей, которые считали, что их маленькой стране вряд ли избежать вторжения могущественного соседа, так что если они намерены постоять за свою свободу, то единственный способ – сотрудничество с англичанами.

Поуль постановил, что члены группы, назвавшейся «Ночным дозором», не станут заниматься ни саботажем, ни политическими убийствами, а поставят себе целью передачу британской разведке военных сведений. Создание разведгруппы профессионально пошло Хермии в плюс – мало кто из женщин добивался подобного – и способствовало ее назначению главой датского отдела.

В пакете обнаружили плоды ее предусмотрительности. То была стопка расшифрованных донесений о деятельности немецких войск в Дании: дислокация военных баз на острове Фюн; перемещения военно-морских судов в проливе Каттегат, отделяющем Данию от Швеции; имена старших немецких офицеров, приписанных к Копенгагену.

Кроме того, в пакет был вложен номер нелегальной газеты «Положение дел». Подпольная пресса пока что являла собой единственный признак того, что сопротивление оккупационному режиму в Дании существует. Хермия проглядела номер, прочла гневную статью о том, что в стране нехватка сливочного масла из-за того, что все оно вывозится в Германию.

Пакет с донесениями был вывезен из Дании тайно, курьером, который передал его представителю разведки в британской дипломатической миссии в Стокгольме. Курьер оставил с пакетом записку, в которой сообщил, что еще один номер «Положения дел» доставлен им в представительство телеграфного агентства Рейтер. Прочитав это, Хермия нахмурилась. На первый взгляд идея хорошая: распространить по миру сведения о том, как живет людям при оккупации, – но ей не нравилось, когда агенты разбрасываются, примешивают к прямым обязанностям побочные. Всякий гражданский поступок чреват тем, что привлечет внимание властей к разведчику. А вот оставаясь в тени, он может незамеченным работать годами.

Думая о «Ночном дозоре», она с тревогой вспомнила о женихе. Арне не входил в группу – характер неподходящий. Хермия любила его за легкий нрав, беспечность и жизнерадостность. Рядом с ним она могла расслабиться, особенно в постели, отдохнуть душой. Однако беспечный весельчак, пропускающий мимо ушей мелочи жизни, не годится для подпольной работы. Уж если начистоту, пожалуй, следовало признать, что она сомневается, хватит ли у него для этого духу. Он сломя голову несся по лыжным склонам – они и встретились-то в норвежских горах, где из всех лыжников один только Арне мог поспорить с ней в мастерстве, – но как он себя поведет, столкнувшись с крайне щекотливыми порой ситуациями работы в подполье, Хермия не представляла.

Она обдумывала, не переслать ли ему сообщение через членов «Ночного дозора». Поуль Кирке служит в летной школе, и если Арне тоже еще там, значит, они видятся ежедневно. Использовать разведсеть для личной переписки – вопиющий непрофессионализм, но не это останавливало Хермию. Такой факт сразу станет известен наверху, ведь все сообщения подлежат обработке у шифровальщиков, но и это ее не пугало. Пугало то, что можно навлечь на Арне опасность.

Тайнопись, случается, попадает в руки врага. Британская разведка до сих пор пользовалась нехитрыми шифрами с использованием поэтических сборников, когда цифры указывают страницу-строку-слово, и тот, у кого есть книга-ключ, может прочесть то, что скрывается за бессмысленным, на посторонний взгляд, набором цифр. Эти шифры, оставшиеся еще с мирных времен, раскодировать особого труда не составит. Если враг перехватит шифровку, посланную с британской стороны датским агентам, и прочтет имя Арне, это запросто может обернуться для него смертью. В таком случае проявленная Хермией забота его погубит. Так что ей оставалось сидеть в своей «сапожной» да травить себе душу тревогой и беспокойством.

Хермия составила сообщение для шведского курьера, где рекомендовала ему воздержаться от участия в пропагандистской войне, сосредоточив силы на выполнении прямых обязанностей. Следом напечатала отчет, в котором обобщила военные сведения, поступившие из Дании: первый экземпляр – своему непосредственному начальству, а те, что под копирку, – для передачи в другие отделы.

В четыре часа пополудни она ушла. Решила, что сейчас нужно угостить мать чаем. А вечером она вернется доделать работу, часа на два.

Маргарет Маунт жила в маленьком домике в Челси. Когда, в конце тридцатых, отец Хермии умер от рака, ее мать поселилась вместе со своей незамужней школьной подругой Элизабет. Они звали друг друга как в юности – Магс и Бетс. Сегодня они вдвоем приехали в Бличли посмотреть, как Хермия устроилась.

Быстрым шагом она прошла по деревне к улице, на которой снимала комнату. Магс и Бетс уже сидели в гостиной, беседовали с квартирной хозяйкой, миссис Бивен. Мать Хермии приехала в форме водителя «скорой помощи» – в брюках и фуражке, а Бетс, привлекательная дама пятидесяти лет, – в цветастом платье с короткими рукавами. Хермия обняла мать и чмокнула Бетс в щеку. Они с Бетс так и не подружились: Хермии казалось порой, что та ревнует ее к матери.

Она повела их к себе. Бетс, глядя на жалкую комнатку с одной кроватью, поджала губы, но мать улыбнулась сердечно.

– Что ж, учитывая, что идет война, это неплохо, – кивнула она.

– Я здесь мало бываю, – покривила душой Хермия.

На самом деле, с книгой или слушая радио, она проводила тут долгие одинокие вечера.

Хермия зажгла газовую горелку, чтобы приготовить чай, и порезала кекс, который купила к случаю.

– Что, от Арне вестей по-прежнему нет? – спросила мать.

– Нет. Я написала ему на адрес Британского легиона в Стокгольм, и они письмо переправили, но ответ так и не пришел. Даже не знаю, получил он его или нет.

– О Боже.

– Жаль, что я с ним не знакома, – встряла тут же Бетс. – Какой он?

«Влюбиться в Арне, – подумала Хермия, – было все равно что слететь на лыжах с горного склона: легкий толчок для начала, внезапный набор скорости, а потом, не успеешь собраться с мыслями, возбуждающее ощущение головокружительного спуска по лыжне, и никаких шансов остановиться. Но как рассказать об этом?»

– Он красив, как киноактер, силен, как атлет, и обаятелен, как ирландец, – выдала Хермия. – Но это не главное. Главное, с ним легко. Что ни случись, он только посмеивается. Я иногда злюсь – ну, не на него, конечно, – а он улыбается и говорит: «Клянусь, таких, как ты, не сыскать!» Господи, как мне его не хватает! – Она закусил губу, чтобы не разреветься.

– Влюблялись в тебя многие, – живо вступила мать, – но мало кто мог с тобой совладать! – Магс отличалась прямодушием под стать дочери. – Надо было ковать железо, пока горячо!

Хермия, чтобы сменить тему, стала расспрашивать, как они переживают лондонские бомбежки. Оказалось, Бетс во время налетов прячется под столом, в то время как Магс под бомбами рулит на своей «скорой помощи». Мать Хермии всегда была сильной женщиной, порой резковатой и даже, можно сказать, бестактной для жены дипломата, но война нашла достойное применение ее силе и мужеству, подобно тому как нехватка мужчин в разведке предоставила Хермии возможность профессионального роста.

– Это не может длиться бесконечно, – вздохнула Магс. – Где люфтваффе возьмет столько летчиков и самолетов? Наши бомбардировщики бомбят немецкие заводы, и будут бомбить. Результат скажется непременно.

– А меж тем, – произнесла Бетс, – ни в чем не повинные немецкие дети и женщины страдают так же, как мы...

– Да, я знаю, но это война! – отозвалась Магс.

Хермии вспомнился разговор с Дигби Хоаром. Такие, как Магс и Бетс, верят, что воздушные налеты британской авиации подрывают мощь нацистов. Это хорошо, что им невдомек: половину наших бомбардировщиков сбивают. Если люди узнают правду, то могут пасть духом, сдаться.

Магс стала подробно рассказывать про то, как они спасали собаку из горящего дома, но Хермия слушала вполуха, думая о том, что сказал Дигби. Если Фрейя – машина, и немцы используют ее, чтобы защищать свои границы, она должна находиться в Дании. Дигби сказал, машина испускает что-то вроде луча: либо оптические импульсы, либо радиоволны. Такой луч можно засечь. Эта идея ее взбудоражила. «Вероятно, что-то смогут выяснить мои ребята из «Ночного дозора». Надо отправить им поручение. Но сначала необходимо разузнать побольше. Займусь этим сегодня же, как только провожу мать и Бетс на вокзал».

Хермии захотелось, чтобы они поскорее ушли.

– Еще кекса, мама? – вежливо осведомилась она.

Глава 2

Янсборгской школе исполнилось триста лет, и школа этим гордилась.

Первоначально она состояла из церкви и одного дома, где мальчики ели, спали и учились, а теперь это был целый комплекс сооружений из красного кирпича. Библиотека, когда-то лучшая в Дании, занимала отдельное здание, такое же большое, как церковь. Еще имелись научные лаборатории, современные спальные корпуса, лазарет и спортзал, перестроенный из амбара.

Как раз в спортзал Харальд Олафсен и направлялся. Было двенадцать дня, и мальчики только что отобедали бутербродами с бужениной и соленым огурчиком – именно такое меню предлагалось здесь по средам все семь лет, что он учится в школе.

«Глупо гордиться тем, что заведение старое», – думал он.

Когда учителя с придыханием говорят об истории школы, ему вспоминаются старые рыбачки на Санде, которые говорят: «Да мне уж за семьдесят!» И при этом так застенчиво улыбаются, словно это какое-то личное достижение.

Когда он шел мимо дома директора школы, вышла жена директора и, завидев его, улыбнулась.

– Добрый день, Миа, – вежливо поклонился он.

Директора всегда звали Хейс, что по-древнегречески значит «первый», а жена его, соответственно, звалась Миа, то же самое в женском роде. Древнегреческий в школе перестали преподавать еще пять лет назад, но традиции живут долго.

– Какие новости, Харальд? – спросила она.

Супруга директора знала, что у Харальда есть самодельный радиоприемник, который ловит Би-би-си.

– Восстание в Ираке подавлено, – ответил он. – Британцы вошли в Багдад.

– Британцы взяли верх? – переспросила она. – Это неплохо, для разнообразия.

Миа, невзрачная женщина с простым лицом и тусклыми темными волосами, ходила в бесформенных платьях, но в школе было всего две женщины, так что мальчики не переставали гадать, как она выглядит, если ее раздеть.

«Интересно, – подумал Харальд, – я когда-нибудь угомонюсь насчет секса?»

Теоретически понятно: если годами спишь с женой каждую ночь, это должно потерять всякую новизну и даже приестся, но вообразить себе такое он не мог, как ни старался.

По расписанию сейчас шли два часа математики, но сегодня в школе ждали гостя – Свенда Аггера, который здесь когда-то учился, а теперь представлял родной город в ригсдаге, парламенте Дании. Вся школа собралась послушать его в спортзале, единственном помещении, которое вмещает в себя всех сто двадцать учеников. Харальд предпочел бы урок математики.

Он и сам не мог вспомнить, когда стало интересно учиться. Маленькому, ему каждый урок казался возмутительной помехой, отрывающей от таких важных дел, как строительство дамбы на ручье или дома на дереве. Но лет примерно четырнадцати, сам того не заметив, он вдруг осознал, что физика и химия захватывают его куда больше, чем игры в лесу. Его прямо-таки потряс тот факт, что основатель квантовой физики – датский ученый Нильс Бор. То, как Бор истолковал периодическую систему элементов, объяснив химические реакции строением атома тех элементов, которые в реакциях участвуют, на взгляд Харальда, было чем-то вроде божественного откровения, фундаментальным и убедительным ответом на вопрос, как устроена Вселенная. Он обожал Бора так, как его сверстники обожали Кая Хансена, форварда команды «В-93К».

Образование стоило денег. К счастью, дед Харальда, поняв, что сын выбрал профессию, которая обеспечит ему бедность до конца дней, подумал о том, как выучить внуков. Оставленных им денег хватило на то, чтобы Арне и Харальд отправились в Янсборгскую школу. Их хватит и на обучение Харальда в университете.

Он вошел в спортзал. Младшие мальчики ровными рядами поставили там скамейки. Харальд сел в заднем ряду, рядом с Йозефом Даквитцем. Йозеф был щупл и невелик ростом, а фамилия его переводилась с датского как «утка», поэтому прозвали его «Анатикула», полатыни – «утенок». Понемногу длинное прозвище сократилось до «Тик». Мальчики были из разных слоев общества, Тик – из богатой еврейской семьи, но они крепко дружили с первого класса.

С другой стороны Харальда уселся Мадс Кирке. Он происходил из влиятельной семьи военных: дед был генералом, покойный отец в тридцатые годы занимал пост министра обороны. Его кузен Поуль служил в той же летной школе, что и Арне.

Все трое увлекались наукой. Их всегда видели вместе, и поскольку каждый из них внешне до смешного не был похож на двух других: Харальд высокий и светловолосый, Тик маленький и чернявый, а Мадс в веснушках и рыжий, – остроумный учитель английского придумал их называть Три Балбеса, по названию смешного американского фильма, и прозвище прижилось.

Тут, пропустив вперед гостя, вошел Хейс, директор школы, и мальчики вежливо встали, приветствуя старших. Хейс, высокий, тощий, с очками, сидящими на высокой горбинке носа, десять лет прослужил в армии, но легко было понять, почему предпочел школу. Манеры у него были такие мягкие, что казалось, ему совестно, что он начальство. Его скорее любили, чем боялись. Мальчики подчинялись ему только потому, что не хотели обидеть.

Когда все уселись, Хейс представил залу депутата парламента, человечка, внешне до того непредставительного, что всякий подумал бы, что учитель здесь он, а почетный гость – Хейс. Темой выступления Аггер избрал немецкую оккупацию.

Харальд помнил день, когда она началась, четырнадцать месяцев назад. Он проснулся среди ночи от авиационного рева над головой. Три Балбеса полезли на крышу посмотреть, что будет, но после того как пролетело с десятков самолетов, больше ничего не случилось, и они вернулись в постель.

О вторжении Харальд узнал только утром. Чистил зубы в общей умывальне, когда вбежал учитель и выкрикнул: «Немцы высадились!» После завтрака, в восемь, мальчики собрались на линейку в спортзале, чтобы спеть утренний гимн, и директор сообщил им новость. «Отправляйтесь по своим комнатам и уничтожьте все, что может указывать на отрицательное отношение к нацизму или симпатию к Великобритании», – велел он.

Харальд снял со стены свой любимый плакат с изображением биплана «тайгер мот» с символикой Королевских воздушных сил на крыльях.

Позже в тот день – это был вторник – старшеклассникам велели наполнить мешки песком и уложить в церкви, так чтобы прикрыть ценную старую резьбу и надгробия. За алтарем располагался саркофаг основателя школы: его статуя, вытянувшись в полный рост, лежала на крышке в средневековых доспехах, причем гульфик был такого размера, что невольно привлекал взгляд. Харальд повеселил присутствующих, стоймя возложив на выпуклость мешок с песком. За шутку ему влетело от Хейса, и в наказание после обеда пришлось перетаскивать, подальше от греха на случай военных действий, картины, что поценней, в подземные помещения, в крипту.

Все эти предосторожности оказались излишними. Школа находилась в деревне неподалеку от Копенгагена, и прошел год, прежде чем они впервые увидели хотя бы одного немца. Обошлось без бомбежек и даже без выстрелов.

Дания сдалась в двадцать четыре часа.

– Дальнейшие события показали мудрость такого решения, – с царапающей слух гладкостью заявил оратор.

Зал отозвался шорохом несогласия, мальчики заерзали на скамьях и забурчали.

– Наш король по-прежнему остается на троне, – продолжал Аггер.

Мадс фыркнул. Харальд разделял его чувства. Король Кристиан, демонстрируя себя жителям Копенгагена, разъезжал по улицам верхом, но это выглядело простым позерством.

– Немецкое присутствие в целом оказалось доброжелательным. Своим примером Дания доказала, что частичная потеря независимости в условиях военных действий не обязательно приводит к непосильным трудностям и росту сопротивления. Урок здесь для таких мальчиков, как вы, состоит в том, что в известных ситуациях достойней проявить покорность и послушание, чем устроить плохо продуманный мятеж.

Аггер сел. Хейс вежливо похлопал ему. Мальчики, хоть и без особого рвения, последовали примеру директора. Будь Хейс проницательней, здраво оценил бы настроение аудитории и на этом закончил встречу, но нет, он улыбнулся и обратился к залу:

– Что ж, ребята, есть у вас вопросы к нашему гостю?

Мадс тут же вскочил на ноги.

– Сэр, Норвегия была оккупирована в один день с Данией, но норвежцы два месяца боролись. С этой точки зрения не выглядим ли мы трусами? – Тон, каким он это спросил, был безукоризненно вежлив, но в вопросе прозвучал вызов, и мальчики зашумели ему в поддержку.

– Это наивная точка зрения, – отмахнулся Аггер.

Харальда это задело.

– Норвегия – страна гор и фьордов, – вмешался Хейс, обращаясь к своему опыту военного, – ее завоевать трудно. Дания же – равнина с развитой системой дорог. Против большой моторизованной армии мы бессильны.

– Вступить в конфликт, – добавил Аггер, – значило бессмысленно пролить кровь, а результат был бы тот же.

– Если не принимать во внимание тот факт, – в ярости возразил Мадс, – что тогда мы могли бы смотреть людям в глаза, а не прятать их от стыда.

В ушах Харальда эти слова прозвучали так, словно это сказал дома кто-то из его военной родни.

Аггер побагровел.

– Осмотрительность – лучшая часть отваги, так сказал Шекспир.

– Если быть точным, господин Аггер, это слова Фальстафа, самого отпетого труса во всей мировой литературе! – парировал Мадс.

Мальчики засмеялись и зааплодировали ему.

– Ну-ну, Кирке, – успокаивающе произнес Хейс, – я знаю, твои чувства задеты, но это не может быть основанием для невежливости. – Он обвел взглядом зал и кивнул одному из учеников. – Да, Бор?

– Как вы думаете, господин Аггер, могла бы философия герра Гитлера, философия национальной гордости и расовой чистоты, принести пользу, если применить ее здесь, в Дании? – Отец Вольдемара Бора был известный датский нацист.

– Возможно, некоторые ее элементы, – уклончиво отозвался Аггер. – Но Германия и Дания – разные страны.

«Разве это ответ? – сердито подумал Харальд. – Отговорка! Неужели у Аггера недостает духу сказать, что гонения по национальному признаку – зло?»

– А не расспросить ли нам господина Аггера о повседневной работе ригсдага, членом которого он является? – просительным тоном произнес Хейс.

Тут поднялся Тик. Самодовольный тон Аггера допек и его тоже.

– А вы не чувствуете себя там марионеткой? – спросил он. – В конце концов, нами правят все-таки немцы. То, что вы делаете, только видимость.

– Нашей страной продолжает руководить наш датский парламент, – ответил Аггер.

– Да. Поэтому надо стараться, чтобы тебя не уволили, – пробормотал Тик.

Те, что сидели поближе, услышали и рассмеялись.

– Продолжают существовать политические партии – даже коммунистическая, – продолжил Аггер. – У нас есть наша полиция и наши вооруженные силы.

– Но стоит ригсдагу сделать что-то, с точки зрения немцев, непозволительное, как его в ту же минуту прикроют, а полицейских и армию разоружат, – возразил Тик. – Выходит, то, чем вы занимаетесь, – просто фарс.

– Прошу не забывать о приличиях, Даквитц, – с раздражением произнес директор.

– Ничего страшного, Хейс, – вежливо улыбнулся Аггер. – Мне нравится, когда живая дискуссия. Если Даквитц считает, что наш парламент бесполезен, пусть сравнит условия, в которых живем мы, с теми, в которых находится Франция. Благодаря политике сотрудничества с немцами, которую мы избрали, жизнь рядовых датчан устроена значительно лучше, чем это могло быть.

Харальд потерял терпение. Он встал и, не дожидаясь, когда Хейс даст ему слово, осведомился:

– И что, если нацисты придут за Даквитцем? Что вы тогда посоветуете? Дружеское сотрудничество?

– С какой стати они придут за Даквитцем?

– А с той же, с какой пришли за моим дядей в Гамбурге, – потому что он еврей.

Аггер впервые выказал признаки раздражения.

– Оккупационные силы демонстрируют полную толерантность в отношении датских евреев.

– Это пока, – возразил Харальд. – Но что, если они изменят свое отношение? Предположим, решат, что Тик точно такой же еврей, как мой дядя Иоахим? Что вы нам посоветуете? Должны мы отступить в сторону, когда они придут и схватят его? Или стоит организовать сопротивление, чтобы подготовиться к такому повороту событий?

– Лучшая линия поведения – позаботиться о том, чтобы у вас никогда не возникла необходимость принимать подобные решения, то есть поддержать политику сотрудничества с оккупационными силами.

Харальд от гладкой уклончивости ответа вышел из себя.

– А что, если это не сработает? Дайте прямой ответ! Что нам делать, когда нацисты придут арестовывать наших друзей?

– Вопрос, который ты сейчас задал, Олафсен, – сугубо гипотетический, – счел нужным вмешаться Хейс. – Те, кто занимается публичной политикой, предпочитают встречать трудности лицом к лицу. Всему свое время.

– Вопрос в том, как далеко может простираться политика сотрудничества, – с жаром ответил Харальд. – Ведь когда ночью они постучат к вам в дверь, Хейс, уже не будет времени для дебатов!

Хейс, казалось, уже готовый отчитать Харальда за грубость, ответил все-таки мягко.

– Ты обратил наше внимание на важный аспект проблемы, – сказал он, – и господин Аггер постарался ответить на него со всей возможной полнотой. Думаю, разговор получился интересный, и теперь пришла пора вернуться к урокам. Но сначала давайте поблагодарим нашего гостя, который, несмотря на свою занятость, нашел время посетить нас. – И он вскинул руки, чтобы первым захлопать.

Харальд остановил его.

– Пусть он ответит на вопрос! – прокричал он. – Должны мы начать движение сопротивления, или пусть нацисты делают что хотят? Да ради Бога, неужели есть уроки важнее, чем этот?

Шум в зале угас. Вступить в спор с преподавателями не возбранялось, но в границах разумного, а Харальд эти границы переступил.

– Думаю, тебе лучше покинуть нас, – тихо произнес Хейс. – Выйди, позже поговорим.

Закипая, Харальд направился к выходу, и каждый, кто был в зале, проводил его взглядом. Он знал, что следует уйти тихо, но не справился с гневом. Уже взявшись за ручку, повернулся к Хейсу и негодуя ткнул в него пальцем:

– Вот когда здесь будут гестаповцы, вы не сможете выслать их к черту вон!

Вышел и хлопнул дверью.

Глава 3

Будильник разбудил Петера Флемминга в полшестого утра. Он прихлопнул звонок и сел в постели. Инге лежала на спине с открытыми глазами, смотрела в потолок, безучастная, словно неживая. Поглядев на нее, он поднялся. В маленькой кухоньке включил радио. Репортер-датчанин зачитывал трогательное заявление немцев по поводу гибели адмирала Льютенса, который десять дней назад затонул на линкоре «Бисмарк», подбитом английской торпедой. Петер поставил на огонь кастрюльку с овсяной кашей и собрал поднос: выложил столовые приборы, намазал маслом ломоть ржаного хлеба, заварил эрзац-кофе.

Не сразу он понял, отчего чувствует такой прилив сил. Вчера в деле, над которым работал, наметился прорыв.

Петер служил следователем (должность его называлась «детектив-инспектор») в группе безопасности подразделения копенгагенского отдела уголовных расследований, в задачу которого входило присматривать за профсоюзными деятелями, коммунистами, иностранцами и прочими потенциальными возмутителями спокойствия. Начальником отдела был суперинтендант Фредерик Юэль, человек неглупый, но ленивый. Выпускник знаменитой Янсборгской школы, Юэль придерживался латинской поговорки «*Quieta non movere*», то бишь «Не буди спящего пса». Когда-то его предок адмирал разгромил в морском сражении шведов, и им гордилась вся Дания, но с тех пор минуло триста лет и боевитость в роду явно иссякла.

За последние четырнадцать месяцев объем работы отдела возрастал, по мере того как добавлялись к списку противников оккупационного режима все новые и новые имена.

Пока что единственной внешней приметой сопротивления было издание подпольных газет, подобных «Положению дел», той, что выронил тогда мальчишка Олафсен. Юэль считал подпольные издания безобидными, если не сказать полезными, как способ выпускать пар, и потому отказывался преследовать издателей. Такое отношение к оппозиции бесило Петера. Предоставить свободу действий преступникам, на его взгляд, было сущим безумием.

Немцам не слишком нравилось, как вяло Юэль подходит к делу, но пока до открытого конфликта не доходило. Со стороны оккупационных властей Юэля поддерживал генерал Вальтер Браун, профессиональный военный, потерявший легкое во французской кампании 1940 года. Браун превыше всего ставил необходимость поддерживать в Дании спокойствие. Он не будет понукать Юэля, если его сверху не принудят.

Петеру стало известно, что экземпляры «Положения дел» контрабандой попали в Швецию. До сих пор он был вынужден следовать правилам поведения, установленным пассивным начальником, но теперь появилась надежда, что известие о распространении газеты за пределы страны поколеблет спокойствие Юэля.

Вчера вечером Петеру позвонил приятель. Специально позвонил сообщить, что видел газету в самолете компании «Люфтганза», прибывшем рейсом из Берлина в Стокгольм с посадкой в Копенгагене. Новость, что ни говори, важная. Именно этим объяснялся тот факт, что Петер проснулся сегодня в приподнятом настроении. Кто знает – может, он на пороге триумфа.

Овсянка на воде сварилась, Петер добавил в нее молока, сахару и понес поднос в спальню. Помог жене сесть, попробовал кашу, не слишком ли горяча, и стал кормить Инге с ложки.

Год назад, как раз перед тем как ввели ограничения на горючее, Петер и Инге ехали на пляж, когда в них врезался спортивный автомобиль. У Петера оказались сломаны обе ноги, но он быстро оправился, а Инге ударилась головой и прежней больше не станет.

Тот, кто в них врезался, Финн Йонк, сын известного университетского профессора, вылетел из машины и мягко приземлился в кусты. Водительских прав у него не оказалось, их отняли после предыдущей аварии, а кроме того, он был пьян. Но Йонки наняли лучшего адвоката, и тот исхитрился отложить суд на год, так что Финн все еще никак не наказан за то, что лишил Инге разума. Эта семейная трагедия, в глазах Петера, была еще одним вопиющим примером того, как избегают возмездия преступники в современном мире. А вот нацисты подобного не допускают – такого придерживался он мнения.

Покормив Инге, Петер отвел ее в туалет, потом в ванную. Она всегда была чистюлей и аккуратисткой. Это ее свойство нравилось Петеру. Особенно чистоплотна бывала после сношения: тщательно мылась. И он это одобрял. Не все девушки так себя ведут. Одна, с которой Петер спал, певичка из ночного клуба – познакомился с ней во время авианалета, и у них завелась интрижка, – обижалась, что он потом моется, говорила – это неромантично.

Инге никак не реагировала на то, что он ее моет. Петеру пришлось научиться быть таким же бесстрастным, даже когда касался самых интимных ее мест. Он завернул жену в большое полотенце, вытер нежное тело и принялся одевать. Труднее всего он справлялся с чулками. Скатывал каждый до мыска, а потом осторожно натягивал его на пальчики Инге, огибал пятку и раскатывал чулок вверх по голени и выше, пока не приходила пора пристегнуть чулок к поясу. Поначалу делал это так неловко, что тонкий капрон рвался, пуская стрелки, но Петер был упрям и проявлял большое терпение, когда намеревался добиться чего-то, так что теперь был в этом дока.

Он помог ей надеть платье из желтого хлопка, застегнул на руке золотые часики и браслет. Сказать, который час, она не умела, но ему казалось, что ее взгляд почти веселеет, когда она замечает, как блеснуло на запястье украшение.

После того как он ее причесал, они оба погляделись в зеркало. Инге, хорошенькая светловолосая блондинка, до аварии обладала кокетливой улыбкой и умением застенчиво трепетать ресницами. Теперь ее лицо лишилось всякого выражения.

Когда на Троицу они навещали родителей Петера, отец попытался уговорить его поместить Инге в частную клинику. Петеру клиника была бы не по карману, но это Аксель предложил взять на себя. Он сказал, что хочет освободить сына, но это был только предлог. На самом деле ему отчаянно хотелось внука. Петер же был твердо убежден, что его обязанность – заботиться о жене. В его системе ценностей долг стоял на первом месте. Увильнувшись от выполнения долга, мужчина теряет право уважать себя.

Он привел Инге в гостиную, усадил у окна. Оставил играть радио, чуть приглушив звук, и вернулся в ванную.

Лицо, глядящее на него из зеркала, было правильным и хороших пропорций. Инге раньше говорила, что он красив как киноактер. После аварии в рыжей утренней щетине появились седые волоски, а вокруг рыже-карих глаз – сеть усталых морщинок. Но голова по-прежнему сидела гордо, а в прямой линии губ читалась непоколебимая добродетель.

Побрившись, он повязал галстук и надел наплечную кобуру с немецким «Вальтером ППК», облегченной и укороченной моделью, разработанной для криминальной полиции, а потом на кухне, не присев, сжевал всухомятку три ломтя черствого хлеба, приберегая масло для Инге.

Сиделка должна прийти ровно в восемь.

Между восемью и пятью минутами девятого настроение Петера поменялось. Он принялся мерить шагами небольшую прихожую. Зажег сигарету и тут же нетерпеливо смял ее в пальцах. То и дело смотрел на часы. Когда стрелка подобралась к десяти минутам девятого, он уже разозлился. Разве мало того, что он и так делает? Заботится о жене и совмещает это с напряженной и крайне ответственной работой следователя полиции. Сиделка не имеет права так его подводить!

Когда в восемь пятнадцать она позвонила в дверь, отворив, он встретил ее криком:

– Как вы посмели опоздать?

Пухленькая девятнадцатилетняя девушка в тщательно отглаженной форме, с волосами, аккуратно уложенными вокруг накладки, и чуть подкрашенным круглым лицом не ожидала такого приема.

– Простите, – смешалась она.

Он отступил в сторону, впуская девушку и борясь с искушением ее ударить. Наверное, она это почувствовала, потому что сжалась, протискиваясь мимо него.

Петер последовал за ней в гостиную.

– Время, чтобы сделать прическу и накраситься, у вас нашлось! – зло заметил он.

– Я ведь извинилась!

– Вы что, не понимаете? У меня важная работа! У самой на уме ничего, кроме парней да гулянья в саду Тиволи, и умудрилась-таки опоздать!

Девушка испуганно глянула на револьвер у него под мышкой, будто боялась, что он, чего доброго, вытащит его из кобуры.

– Автобус опоздал... – пробормотала она.

– Значит, надо садиться на тот, что приходит раньше! Нескладеха!

Девушка ойкнула на грани слез.

Петер отвернулся, чтобы не дать ей оплеуху. Если она обидится и уйдет, станет еще хуже. Надел пиджак, направился к двери.

– Посмей только опоздать еще раз! – крикнул он и ушел.

На улице он вскочил в трамвай, направляющийся к центру города. Закурил, жадно, рывками затягиваясь, но справиться с собой не мог. Удалось это, только когда, выйдя на своей остановке, он увидел здание полицейского управления. Вызывающе современное, оно внушало спокойствие уже одной своей массой, как бы припавшей к земле. Ослепительно белый камень говорил о чистоте и неподкупности, а ровные ряды одинаковых окон наводили на мысль о порядке и предсказуемости правосудия.

Сумеречным вестибюлем он вышел во внутренний двор, скрытый в сердцевине здания: круглое просторное внутреннее пространство, окольцованное двойной колоннадой, создающей крытую галерею, как в монастырских дворах, – пересек двор и вошел в свой отдел.

Там он столкнулся с детективом-констеблем Тильде Йесперсен – одной из немногих женщин, служащих в копенгагенской полиции. Молодая вдова полицейского, по части сообразительности и физической подготовки она не уступила бы ни одному парню в отделе. Петер часто задействовал ее, когда требовалось организовать наблюдение: женщина в роли соглядатая не так вызывает подозрения. Она была недурна собой: голубоглазая кудрявая блондинка с ладной пышной фигурой, которую женщины осудили бы за чрезмерность, а мужчины одобрили бы.

– Автобус опоздал? – сочувственно спросила Тильде.

– Нет. Сиделка, которая присматривает за Инге, опоздала на четверть часа. Вертихвостка пустоголовая!

– Вот некстати!

– Что-то случилось?

– Боюсь, да. У Юэля сидит генерал Браун. Оба хотят тебя видеть.

«Вот не повезло: опоздать как раз в тот день, когда здесь Браун!»

– Чертова девка, – в который раз помянул он сиделку и направился к кабинету начальника.

Юэль обладал военной выправкой и пронизательным взглядом голубых глаз, которые отлично подошли бы и его предку адмиралу. Проявляя вежливость к Брауну, он заговорил

с Петером по-немецки. Все образованные датчане свободно владели немецким – впрочем, как и английским.

– Где вы пропадаете, Флемминг? Мы ждали!

– Прощу прощения, – по-немецки ответил Петер, не пускаясь в объяснения: оправдываться считал ниже собственного достоинства.

Генералу Брауну было за сорок. Вероятно, когда-то он слыл красавцем, но взрыв, погубивший его легкое, отхватил также и часть челюсти, так что правую половину лица обезобразило. Не исключено, именно из-за увечья он всегда был подтянут и одет в безупречную полевую форму, дополненную высокими сапогами и пистолетом в кобуре.

Он был вежлив и в разговоре разумен, а говорил так тихо, будто шептал.

– Соблаговолите взглянуть на это, инспектор Флемминг. – Он разложил по столу Юэля несколько газет, развернутых так, чтобы видна была одна особенная статья. Статья, понял Петер, в каждой газете была одна и та же: о нехватке в Дании сливочного масла, с упреками в адрес немцев, которые, дескать, все масло вывозят в Германию. Одна из газет была канадская «Глоб энд мейл», две другие – американские «Вашингтон пост» и «Лос-Анджелес таймс». Среди них красовалась и подпольная датская – «Положение дел». Рядом с профессиональными изданиями выглядела она жалко и любительски, но статья, которую они перепечатали, попала к ним именно из нее. Это был маленький, но триумф антинемецкой пропаганды.

– Нам известны имена тех, кто занимается этой доморощенной публицистикой, – с олимпийским спокойствием произнес Юэль.

Петера покорило. Сказано было так, словно это Юэль, а не его достославный предок победил шведский флот в бухте Кёге.

– Разумеется, мы можем их всех арестовать, но я предпочел бы оставить все как есть, под строгим присмотром. Тогда, если они совершат что-то серьезное – взорвут мост, например, – мы будем знать, чьих рук это дело.

На взгляд Петера, это была глупость. Сейчас их надо арестовывать, сейчас, а не когда примутся взрывать мосты! Но он уже не раз говорил Юэлю, что думает по этому поводу, так что теперь стиснул зубы и промолчал.

– Такие меры были бы приемлемы, будь эта деятельность ограничена пределами Дании, – указал Браун. – Но история разошлась по всему миру! Берлин в ярости. Надо иметь в виду: последнее, что нам нужно, – карательные операции. Тогда город наводнят гестаповцы в ботфортах, начнут мутить воду, бросать людей в тюрьмы, и одному Богу известно, чем все закончится!

Петер чувствовал себя очень довольным. Новость произвела как раз то действие, на которое он рассчитывал.

– Я уже этим занимаюсь, – громко произнес он. – По моим данным, американские газеты получили информацию от новостного агентства Рейтер, а оно раздобыло ее в Стокгольме. Полагаю, «Положение дел» контрабандой вывозится в Швецию.

– Отличная работа! – похвалил Браун.

Петер искоса глянул на Юэля, который, похоже, злился.

«Еще бы, – подумал Петер. – Как следователь я сильнее, и истории вроде сегодняшней лишний раз это подтверждали».

Два года назад, когда должность начальника отдела освободилась, Петер претендовал на нее, но досталась она Юэлю. Петер, будучи несколькими годами моложе, имел больше раскрытых дел. Юэль, однако, принадлежал к узкому кругу городской элиты, которая состояла из однокашников и, по мнению Петера, сговорилась делить между собой все лучшие посты и не подпускать к ним тех, кто со стороны, будь они даже в сто раз толковее.

– Но как его вывезли, это «Положение дел»? Все посылки проверяет цензура.

Петер помедлил с ответом. Разумнее, конечно, прежде чем говорить о своих подозрениях, сначала получить какое-то им подтверждение. Информация, которую ему сообщили из Швеции, может оказаться неверной. Однако Браун, извольте, роет землю и бьет копытом, и увильнуть от ответа сейчас не время.

– У меня есть некоторые соображения. Вчера вечером мне позвонил приятель, наш стокгольмский коллега. Он осторожно навел в Рейтер справки. Подозревает, что газета прибывает туда с рейсом «Люфтганзы» из Берлина в Стокгольм, который делает у нас промежуточную посадку.

Браун в возбуждении покивал.

– Значит, если обыскать всех пассажиров, которые садятся на самолет в Копенгагене, мы найдем последний номер газеты!

– Да.

– Сегодня есть рейс?

У Петера упало сердце. Это не его метод, он так не работает. Предпочитает получить проверенную информацию, а уже потом начинать облаву. Однако по сравнению с вялостью и осторожностью Юэля агрессивный подход Брауна покорила приятной новизной.

– Да, через несколько часов, – отозвался он, скрывая сомнения.

– Тогда приступайте!

Поспешешь – людей насмешешь. Спешкой можно дело испортить. И потом, Петер не мог позволить, чтобы Браун перехватил инициативу.

– Я могу внести предложение, господин генерал?

– Разумеется.

– Действовать надо осторожно, не привлекая внимания, чтобы не вспугнуть тех, кого мы ищем. Предлагаю создать группу, куда войдут наши следователи и немецкие офицеры, но находиться она будет здесь, в управлении, буквально до последней минуты. Пусть все пассажиры соберутся к вылету до того, как группа приедет. Я один поеду в Каструп, чтобы все подготовить. Когда пассажиры сдадут багаж на проверку, самолет приземлится и пополнит запас горючего, никто не сможет ускользнуть незамеченным. И тогда мы нанесем удар.

Браун понимающе улыбнулся.

– Вы опасаетесь, что колонны марширующих по аэропорту германцев испортят игру?

– Ни в коем случае, господин генерал, – не поддержал его Петер. Не дело подсмеиваться над оккупантами, даже если они сами над собой шутят. – Очень важно, чтобы вы с вашими людьми сопровождали нас, на случай если возникнет необходимость допросить граждан Германии.

У Брауна окаменело лицо: его приструнили за самоуничижительную остроту.

– Вы правы, – буркнул он и пошел к двери. – Позвоните, когда группа будет готова к выезду.

Петер перевел дух. По крайней мере удалось сохранить за собой контроль. Оставалось сожалеть только о том, что энтузиазм Брауна, возможно, слишком поторопил события.

– Какая удача, что удалось выявить тропу контрабандистов, – снисходительно произнес Юэль. – Отличная работа, Флемминг. Правда, тактичнее было бы предупредить меня до того, как вы доложили об этом Брауну.

– Виноват, – отозвался Петер.

Сказать правду, предупредить Юэля не сложилось: когда вечером позвонил шведский коллега Петера, босс уже уехал с работы. Но оправдываться Петер не стал.

– Что ж, – пожал плечами Юэль. – Соберете группу, пошлите ее ко мне на инструктаж. Потом отправляйтесь в аэропорт и позвоните, когда пассажиры будут готовы подняться на борт самолета.

Выйдя от Юэля, Петер вернулся в общую комнату, к столу Тильде. Окинул жадным взглядом ее блузку разных оттенков голубого, как у девушки на картине французского художника, элегантную юбку, деловой жакет.

– Как прошло? – спросила она.

– Ничего, удалось сгладить ситуацию.

– Молодец!

– Сейчас будем устраивать облаву в аэропорту, – добавил он, уже зная, кого из агентов возьмет с собой. – Поедут Бент Конрад, Петер Дреслер и Кнут Эллегард.

Детектив-сержант Конрад с энтузиазмом поддерживал все немецкое. Детективы-констебли Дреслер и Эллегард не имели сильных политических предпочтений и особых патриотических чувств, но были сознательными полицейскими, которые действовали по приказу и приказ выполняли на совесть.

– Мне бы хотелось, чтобы ты поехала тоже. – Он посмотрел Тильде прямо в глаза. – Вдруг подозреваемый окажется женщиной и ее понадобится обыскать.

– Хорошо.

– Юэль сам вас проинструктирует. А я сейчас прямо в Каструп. – Петер пошел к выходу, но вернулся. – Как там малыш Стиг?

Сынишке Тильде недавно исполнилось шесть лет, за ним в рабочее время присматривала бабушка.

– Хорошо. Уже бойко читает, – улыбнулась она.

– Вот увидишь, быть ему шефом полиции!

У Тильде погасло лицо.

– Я не хочу, чтобы он стал полицейским.

Петер кивнул. Мужа Тильде убили в перестрелке с бандой контрабандистов.

– Я понимаю.

– А ты сам бы хотел, чтобы твой сын занимался этой работой? – как бы оправдываясь, добавила она.

– Ну, у меня детей нет и вряд ли будут. – Петер пожал плечами.

– Кто знает, что сулит будущее, – загадочно промолвила Тильде.

– Это правда. – Петер отвернулся: ни к чему затевать такой разговор в загруженный работой день. – Ладно, я позвоню.

– Пока.

Петер Флемминг взял один из черных «бьюиков», принадлежащих полицейскому управлению, но без знаков отличия. Недавно автомобиль оборудовали радиоустановкой, работающей как на прием, так и на передачу. Выехав из города, он по мосту попал на остров Амагер, где располагается аэропорт Каструп. Денек стоял солнечный, и с дороги было видно, сколько народу жарится на пляже.

Консервативный костюм в узкую белую полоску, галстук с неприметным рисунком – Петер вполне мог сойти за коммерсанта или даже юриста. Портфеля не было, поэтому для большего правдоподобия он прихватил с собой папку, куда вложил бумаги, вынутые из мусорной корзины.

Подъезжая к аэропорту, он почувствовал беспокойство. Будь у него день или два, можно было бы установить, каждым рейсом везут контрабанду или только некоторыми. Бесила вероятность ничего не найти сегодня. Облава подпольщиков насторожит, и они переключатся на какой-нибудь другой способ доставки. И тогда начинай все сначала.

Аэропорт представлял собой россыпь невысоких зданий, расположенных по одну сторону единственной взлетной полосы. Немцы бдительно его стерегли, но гражданские полеты по-прежнему выполнялись и «Люфтганзой», и датской авиакомпанией «DDL», и шведской «АВА».

Петер поставил машину перед зданием Центра управления полетами. Секретарше управляющего сказал, что представляет отдел авиационной безопасности при правительстве Дании, и та тут же ввела его в кабинет Кристиана Варде – начальника. Этому маленькому человечку с дежурной улыбкой коммивояжера Петер предъявил полицейское удостоверение.

– Сегодня пройдет особая проверка рейса в Стокгольм, – сказал он. – Она санкционирована генералом Брауном, который вскоре сюда прибудет. Нам нужно все подготовить.

По лицу управляющего пробежал страх. Он потянулся к трубке телефона, который стоял у него на письменном столе, но Флемминг накрыл аппарат рукой.

– Нет, – покачал он головой. – Пожалуйста, никого не предупреждайте. У вас есть список пассажиров, которые поднимутся на борт здесь?

– Да, у секретарши.

– Попросите ее, пусть принесет.

Варде попросил, девушка принесла листок и передала его Петеру.

– Самолет из Берлина прибудет вовремя? – спросил Петер.

– Вовремя. – Варде поглядел на часы. – Должен сесть через сорок пять минут.

Времени подготовиться хватало.

«Мы облегчим себе задачу, если досмотрим только тех пассажиров, кто сядет в самолет здесь, в Дании», – сообразил Петер.

– Свяжитесь с пилотом и сообщите, что выходить из самолета в Каструпе сегодня запрещено всем, включая пассажиров и экипаж.

– Будет сделано.

Петер просмотрел список, который принесла секретарша. В нем было всего четыре имени: два датчанина, одна датчанка и немец.

– Где сейчас пассажиры?

– Должны регистрироваться.

– Примите их багаж, но не грузите в самолет, пока мои люди его не осмотрят.

– Хорошо.

– Пассажиров также обыщут, перед тем как они поднимутся в самолет. Что-то еще загружается здесь в самолет помимо пассажиров и их багажа?

– Кофе и бутерброды – накормить пассажиров, и еще мешок с почтой. Ну и, разумеется, топливо.

– Еду и питье также следует осмотреть, да и почту тоже. И я поставлю человека присматривать, как идет дозаправка.

– Да.

– А теперь идите свяжитесь с пилотом. Когда все пассажиры пройдут регистрацию, найдите меня, я буду в зале вылета. Только, пожалуйста, постарайтесь держаться так, словно ничего особенного не происходит.

Варде вышел из кабинета.

Петер направился в зону вылета, ломая голову, не упустил ли чего важного. Там уселся на скамью в зале ожидания, исподтишка разглядывая пассажиров. Гадал, кто из них закончит сегодняшний день в тюрьме, а не за границей. В расписании на сегодняшнее утро значились рейсы в Берлин, Гамбург, столицу Норвегии Осло и город на юге Швеции Мальмё.

В зале находились только две женщины: молодая мать с двумя детьми и прекрасно одетая седая дама.

«Седая вполне может оказаться контрабандисткой, – подумал Петер. – Респектабельная внешность удобна как маскировка».

Трое пассажиров были в немецкой военной форме. Петер сверился со списком: интересующего его немца звали полковник фон Шварцкопф. Лишь один из военных был в звании

полковника. Но не очень верилось, что немецкий офицер, да еще в таком чине, возьмется тайком перевозить через границу подпольную датскую газетенку.

Остальные мужчины выглядели в точности как Флемминг: костюм с галстуком, шляпы на коленях. С усилием изобразив на физиономии скуку и вынужденное терпение, словно он тоже дожидается посадки в самолет, Петер наблюдал за присутствующими, чтобы не упустить примет волнения, предчувствия приближающейся проверки. Кое-кто из пассажиров в самом деле заметно нервничал, но это могло объясняться обычным страхом перед полетом. Главное, чтобы никто не попытался выбросить пакет или спрятать бумаги здесь, в зале.

Появился Варде, сияя улыбкой так, словно встреча с Петером доставила ему радость.

– Все четыре пассажира зарегистрированы, – доложил он.

– Отлично. – Пора начинать. – Скажите им, что «Люфтганза» в порядке особой любезности предлагает некую услугу, и пригласите в свой кабинет. Я приду следом.

Варде, кивнув, направился к стойке «Люфтганзы». Пока он обращался к путешествующим в Стокгольм с просьбой пройти за ним, Петер по таксофону дозвонился Тильде и сообщил, что все готово к проверке. Они направились в кабинет Варде: тот во главе маленькой процессии, Петер – в ее хвосте.

Когда все собрались в кабинете, Петер открылся им, кто он такой. Показал свой полицейский значок немцу-полковнику.

– Я действую согласно распоряжениям генерала Брауна, – сообщил он, чтобы погасить зреющую вспышку протеста. – Он на пути сюда. Когда прибудет, все объяснит.

Полковник, ни слова не сказав, с недовольным видом уселся. Седовласая дама и два коммерсанта-датчанина последовали его примеру. Петер прислонился к стене, выискивая в их поведении признаки виноватости. У каждого в руках что-то есть: у дамы – вместительная сумка, у офицера – тощий портфель с документами, у коммерсантов – портфели потолще. Чертова газетка легко поместится где угодно.

– По чашечке кофе, чтобы скрасить ожидание? – жизнерадостно предложил Варде.

Петер взглянул на часы. Самолет из Берлина вот-вот сядет. Перевел взгляд на окно: действительно, трехмоторный «Юнкерс Ju-52» заходил на посадку.

«Уродливая машина, – подумал Петер, – поверхность рифленая, как шиферная крыша сарая, а третий пропеллер, который торчит из носу, похож на свиной пяточок».

Однако приближался он на скорости, удивительно малой для такого тяжелого самолета, и в целом эффект производил величественный. Вот он коснулся земли и покатил к аэровокзалу. Открылся люк, члены экипажа выбросили на поле тормозные колодки подложить под колеса, чтобы самолет во время стоянки не укатило куда-нибудь ветром.

Пока пассажиры пили эрзац-кофе за счет аэропорта, прибыли Браун и Юэль, а с ними четыре агента, которых назначил Петер.

Флемминг внимательно наблюдал, как его подчиненные просмотрели содержимое дамской сумки и портфелей мужчин.

«Вполне логично, если газетка находится именно там, – думал он. – Предатель может заявить, что взял ее почитать в дорогу... хотя вряд ли ему это поможет».

Однако ничего криминального в ручной клади не оказалось.

Чтобы обыскать седую даму, Тильде увела ее в соседнюю комнату, а трое мужчин, не выходя, сняли с себя верхнюю одежду. Браун сверху вниз охлопал полковника, сержант Конрад – датчан. Никаких результатов.

Петер немного скис, но сказал себе, что контрабанда скорее всего находится в основном багаже.

Пассажирам позволили вернуться в зал ожидания, но на борт попросили не подниматься. Их багаж рядом стоял на бетонированной площадке перед аэровокзалом: два новых на вид чемодана из крокодиловой кожи, принадлежащих, несомненно, седой даме, вещевой

мешок (вероятно, полковника), коричневый кожаный чемодан и еще один дешевый чемодан, фибровый.

Петер смотрел на них, уверенный, что где-то там «Положение дел» непременно найдется.

Бент Конрад принес ключи, которые предоставили ему пассажиры.

– Бьюсь об заклад, что это старуха, – обращаясь к Петеру, тихо пробормотал Бент. – Мне вообще кажется, она еврейка.

– Ладно, начинай, – велел Петер.

Конрад пооткрывал все чемоданы, и Петер принялся в них рыться. Юэль и Браун стояли у него над душой, и множество народу наблюдало за обыском, толпясь у окон в зале ожидания. Петер воображал тот триумфальный момент, когда выхватит газету из чемодана и, выставив на всеобщее обозрение, помашет ею над головой.

Чемоданы из крокодиловой кожи были забиты дорогими старомодными тряпками, которые он вытряхнул на землю. Вещмешок содержал в себе бритвенный прибор, смену белья и идеально выглаженную форменную рубашку. В коричневом чемодане коммерсанта, помимо одежды, обнаружили документы, и Петер внимательно их просмотрел. Но газеты там не было, как и вообще чего-либо подозрительного.

Дешевый фибровый чемодан он оставил напоследок, рассудив, что из всех четверых не слишком процветающий коммерсант скорее всего подается в шпионы.

Чемодан оказался полупустым. Белая мужская сорочка и черный галстук подтверждали слова владельца, что он едет на похороны. Кроме того, там лежала сильно потрепанная Библия. А газет – нет, не было.

Флемминг в отчаянии подумал, что, похоже, страхи его оправдались и день для облавы выбран не тот.

«Надо же было повестись на провокацию и начать действовать без предварительной подготовки! Нет, надо держать себя в руках. Дело еще не кончено».

Достав из кармана перочинный нож, он поддел острием подкладку дорогого чемодана и прорвал наискось белый шелк, да с такой неожиданной яростью, что Юэль за спиной тихо ахнул от изумления. Петер просунул руку в разрез, поводил ладонью. К сожалению, ничего.

Такую же операцию, и с тем же успехом, он произвел с кожаным чемоданом коммерсанта. В фибровом подкладки не было, и вообще он был такого устройства, что непонятно, где там можно сделать тайник.

С горящим от отчаяния и смущения лицом он вспорол по шву кожаное дно холщового вещмешка полковника и прощупал все там. Тоже ничего.

Подняв глаза, Петер увидел, что Браун, Юэль и остальные уставились на него с удивлением и даже, чуточку, страхом. Он понял, что ведет себя как сумасшедший.

«Ну и пожалуйста», – подумал Петер.

– Возможно, ваша информация была неверна, Флемминг, – вяло проговорил Юэль.

«То-то ты был бы рад, – мстительно подумал Петер. – Но я еще не закончил».

Он заметил Варде, который наблюдал это действие из окна зала ожидания, и поманил его. Тот явился с неизменной улыбкой. Но улыбка приуныла, когда он увидел, что случилось с чемоданами пассажиров.

– Где мешок с почтой? – спросил Петер.

– В багажном отделении.

– Ну и чего вы ждете? Несите его сюда, болван!

Варде ушел. Петер, с отвращением махнув рукой на устроенный им разор, велел своим подчиненным «избавиться от этого хлама».

Дреслер и Эллегард кое-как распахали вещи по чемоданам. Пришел носильщик с тележкой, чтобы доставить багаж к «юнкерсу».

– Пойдите! – воскликнул Петер, когда тот взялся за ручку тележки. – Обищите его, сержант.

Конрад обыскал и ничего не нашел.

Варде притащил почтовый мешок, Флемминг вытряхнул из него письма. Каждое было помечено печатью цензора. Из всех только два конверта были достаточного размера, чтобы внутри поместилась газета, один белый, другой коричневый. Петер вскрыл белый. Там оказалось шесть копий какого-то юридического документа, вроде бы контракта. В коричневом лежал каталог Копенгагенского завода стекольных изделий. Петер, не в силах больше терпеть, громко выругался.

Тут подвезли для осмотра столик на колесах, на котором стоял поднос с бутербродами и несколько кофейников. Это была его последняя надежда. Один за другим он открывал кофейники, заглядывал внутрь, выливал кофе на землю. Юэль пробормотал, что это лишнее, но Петер находился в таком состоянии, что предпочел не слышать. Сорвав с бутербродов льняные салфетки, перебрал и бутерброды. К его ужасу, ничего постороннего среди них не нашлось. Вне себя, отчаянно надеясь обнаружить газету под бутербродами, схватив поднос, он сбросил бутерброды на землю, но под ними оказалась только еще одна льняная салфетка.

Понимание, каким унижением обернется эта неудача, заводило его все сильнее.

– Начинайте заправку, – распорядился он. – Под моим наблюдением.

К «юнкерсу» подогнали бензовоз. Полицейские, затушив сигареты, смотрели, как закачивают авиационный керосин в крылья самолета. С мыслью, что все впустую, Петер, окостенев лицом, упорно стоял на своем, потому что просто не мог придумать, что еще сделать. В прямоугольных окнах самолета виднелись лица пассажиров, без сомнения, любопытствующих, отчего это немецкому генералу в компании шести штатских вздумалось полюбоваться на дозаправку.

Емкости для горючего заполнены, крышки завинчены. Откладывать вылет дальше невозможно.

Петер не знал, что и придумать. Он ошибся в расчетах и выглядел дураком.

– Пассажиры могут подняться на борт, – сдерживая ярость, распорядился он и, совершенно уничтоженный, вернулся в зал вылета.

Ему хотелось кого-нибудь задушить. Сесть в лужу на глазах у генерала Брауна, не говоря уж о суперинтенданте Юэле! Тот, кто выбрал когда-то начальником отдела Юэля, а не его, может торжествовать. Юэль даже, чего доброго, воспользуется этой неудачей, чтобы избавиться от Петера, и запихнет его в какой-нибудь второстепенный отдел вроде службы организации движения.

Он встал у окна, чтобы посмотреть на вылет. Юэль, Браун и вся команда полукругом встали у него за спиной. Варде тоже переминался с ноги на ногу неподалеку, старательно делая вид, будто случившееся – в порядке вещей. Все вместе они смотрели, как поднимаются на борт четверо разгневанных пассажиров. Кто-то из наземных служб вынул из-под шасси тормозные колодки, забросил их на борт, после чего люк задраили.

Самолет покатило от места стоянки. И тут на Петера снизошло озарение.

– Остановите самолет! – приказал он, обращаясь к Варде.

– О, ради Бога... – вмешался Юэль.

Варде, казалось, вот-вот заплачет.

– Господин генерал! – обратился он к Брауну. – Мои пассажиры...

– Остановите самолет! – повторил Петер.

Варде по-прежнему просительно смотрел на Брауна. Поколебавшись, Браун кивнул:

– Делайте, как вам говорят.

Варде взялся за телефон.

– Господи, Флемминг, надеюсь, вы осознаете, что делаете, – вздохнул Юэль.

Самолет выкатился на взлетную полосу, сделал разворот и вернулся к стоянке. Люк открылся, и тормозные колодки снова выбросили к ногам наземной команды.

Во главе с Петером его команда направилась к самолету. Пропеллеры, замедлив вращение, остановились. Два механика в комбинезонах принялись устанавливать тормозные колодки.

– Подайте-ка мне эту штуку! – окликнул Петер одного из них.

Тот с испуганным видом повиновался.

Колодка представляла собой треугольный деревянный брусок сантиметров тридцати высотой – весь в грязи, тяжелый и монолитный.

– А теперь второй, – велел Петер.

Механик подлез под фюзеляж и достал вторую колодку.

Выглядела она так же, как первая, но на вес показалась легче. Повертев ее, Петер обнаружил на одной из сторон скользящую крышку, как у пенала, и отодвинул ее. Внутри оказался аккуратный пакет, завернутый в промасленную бумагу.

С невыразимым облегчением Петер перевел дух.

Механик повернулся и пустился бежать.

– Задержите его! – крикнул Петер, но и так было ясно, что задержать надо.

Увернувшись от одного из преследователей, беглец попытался проскочить мимо Тильде, видно, считая, что оттолкнуть женщину труда не составит. Не тут-то было. Тильде развернулась, как балерина, пропустила его мимо себя, а потом сделала подножку. Механик полетел носом вниз. Тут подскочил Дреслер, схватил его за плечо, рывком поставил на ноги и вывернул руку за спину.

– Арестуйте второго механика. Он не мог не знать, что происходит, – кивнул Петер Эллегарду и перевел внимание на пакет.

Он развернул промасленную бумагу. Вынул два экземпляра «Положения дел», передал их Юэлю. Юэль посмотрел на газету, потом на Петера. Петер, глядя ему в глаза, выжидательно молчал.

– Отличная работа, Флемминг, – нехотя признал Юэль.

– Я просто делаю что положено, – улыбнулся Петер.

Юэль отвернулся, ничего не сказав.

– Надеть наручники и отправить в управление для допроса, – приказал Петер своим агентам.

Но это было не все. В пакете лежало еще что-то. Петер извлек несколько листков бумаги, скрепленных вместе. На них – напечатанные на машинке столбцы по пять цифр. Петер поразглядывал их в недоумении, пока не сообразил, какая удача ему выпала. На такое он не смел и надеяться. Похоже, это зашифрованное послание.

Он подал бумаги Брауну:

– Господин генерал, похоже, мы раскрыли шпионскую сеть.

Браун, глянув на бумаги, даже побледнел.

– Похоже, вы правы!

– Полагаю, в германской армии имеется подразделение, которое занимается расшифровкой вражеских депеш?

– Не сомневайтесь, имеется.

– Прекрасно, – улыбнулся Петер.

Глава 4

Древний экипаж, запряженный двумя лошадьми, встретил Харальда Олафсена и Тика Даквитца на железнодорожной станции в Кирстенслоте, родной деревне Тика. Тик пояснил, что экипаж годами стоял в амбаре, пока его не вернули к жизни введенные немцами ограничения на бензин. Колымага блистала свежей краской и претендовала на современность, тогда как впряженные в нее кони явно выглядели тружениками полей, да и возница смотрелся так, словно ему привычнее идти за плугом, чем сидеть на облучке.

Тик пригласил Харальда на выходные, чем удивил друга. У Трех Балбесов не было заведено ездить друг к другу в гости, хоть они и дружили все семь школьных лет. Возможно, это следствие бурного антинацистского выступления Харальда на встрече с Аггером. Наверное, родителям Тика стало любопытно взглянуть на пасторского сынка, который озабочен преследованиями евреев.

По пути со станции они миновали небольшую деревню, где имелись церковь и таверна. Выехав за околицу, свернули с дороги и проехали между двумя массивными каменными львами. Примерно в полумиле, в конце подъездной дороги, Харальд увидел волшебный замок с башенками и укреплениями.

Данию не удивить такими замками – их сотни. Мысль об этом приносила Харальду утешение. Пусть страна маленькая, не всегда она безвольно склонялась перед завоевателями. Может, не совсем иссяк еще дух викингов?

Некоторые замки были настоящими историческими памятниками, их преобразовали в музеи и туристические приманки. Многие играли роль представительных поместий, где жили богатые люди, занимающиеся сельским хозяйством. В промежуточном положении находились красивые здания самых влиятельных людей королевства. Кирстенслот – замок носил то же имя, что и деревня – был из их числа.

Харальд немного оробел. Он знал, что Даквитцы богаты – и отец Тика, и дядя были банкирами, – но реальность превзошла ожидания.

«Что, если не сумею вести себя так, как требуется? – запаниковал Харальд. – Ведь жизнь в пасторском доме совсем не такая, как здесь!»

Ранним субботним вечером друзья высадились у парадной двери, величественной, как вход в собор. Харальд нес в руке маленький саквояж. Мраморный вестибюль был наполнен старинной мебелью, огромными расписными вазами, статуями и картинами в тяжелых золоченых рамах. Семья Харальда строго придерживалась второй заповеди, запрещающей создавать подобию как земного, так и небесного, потому картин в пасторском доме не держали (хотя Харальд знал, что их с Арне младенцами мать втайне от отца сфотографировала – он нашел эти снимки в ящике комода, где мать держала чулки). От обилия в доме Даквитцев произведений искусства ему сделалось не по себе.

Они поднялись по великолепной лестнице, и Тик привел его в спальню.

– Это моя комната, – сказал он.

Слава Богу, там не было ни картин старых мастеров, ни китайских ваз – только вещи, какие найдешь в комнате любого восемнадцатилетнего парня: футбольный мяч, фотография Марлен Дитрих в знойной позе, кларнет да рекламный плакат спортивного автомобиля «ланча-априлия» с кузовом, разработанным дизайнерами фирмы «Пенин Фарина».

Харальд взял со стола фотографию в рамке. На ней Тик, снятый года четыре назад, стоял рядом с девочкой примерно того же возраста.

– Неужели подруга?

– Моя сестра-близняшка Карен.

– А-а... – Харальд смутно помнил, что у Тика имеется сестра. На фотографии она была повыше, чем Тик, и вроде посветлей. – А непохоже, что вы близнецы, уж больно она хорошенькая.

– Ты, олух, похожие близнецы всегда одного пола.

– Она учится?

– Да, в Датском королевском балете.

– Я не знал, что при балете есть школа.

– Если хочешь попасть на сцену, нужно сначала выучиться. Некоторые девочки начинают в пять лет. Им дают такие же уроки, как нам, и еще учат танцу.

– Ей нравится?

Тик пожал плечами.

– Тяжелый, говорит, труд. – Открыв дверь, по короткому коридору он прошел к ванной и показал еще одну спальню, поменьше. – Это твоя, если не возражаешь. Ванная общая.

– Отлично, – кивнул Харальд и бросил саквояж на кровать.

– Ты мог бы жить в комнате покрасивее, но она в трех километрах отсюда.

– Нет, тут лучше.

– Тогда пойдем поздороваемся с мамой.

Они спустились на первый этаж и по главному коридору подошли к двери. Тик постучался:

– Мам, ты как, принимаешь визитеров?

– Входи, Йозеф! – послышался голос.

Харальд оказался в будуаре фру Даквитц, нарядной комнате, всюду, где только можно, заставленной фотографиями. Тик очень походил на мать, сорокалетнюю женщину с темными волосами, тронутыми сединой. Та тоже была крошечного росточка, разве только пухлая там, где он тощ, и с такими же карими глазами.

Тик представил матери Харальда, который с легким поклоном пожал ей руку. Фру Даквитц усадила ребят и принялась расспрашивать о школе. Говорить с ней было легко, держалась она дружелюбно, и у Харальда отлегло от сердца.

Чуть погодя она отпустила их со словами: «Ну идите приготовьтесь к ужину». Мальчики вернулись в комнату Тика.

– Вы что, как-то особо одеаетесь к ужину? – обеспокоенно спросил Харальд.

– Твой школьный пиджак с галстуком вполне сойдет, – успокоил его Тик.

У Харальда больше ничего и не было. Его гардероб – школьный пиджак с брюками, пальто, кепка плюс спортивное снаряжение – составлял немалое бремя для бюджета Олафсенов, поскольку его требовалось обновлять регулярно, ведь ежегодно Харальд сантиметров на пять вытягивался. Другой одежды, помимо свитеров и шорт на лето, у него не водилось.

– А ты что наденешь? – спросил он Тика.

– Черный пиджак и серые фланелевые брюки.

Харальд порадовался, что сообразил взять с собой чистую сорочку.

– Хочешь помыться? – спросил Тик.

– Конечно. – Идея принять ванну перед ужином показалась ему экзотичной, но он сказал себе, что так лучше поймет, как живут богатеи.

Он вымыл голову, а Тик тут же побрился.

– В школе ты не бреешься дважды в день, – заметил Харальд.

– Понимаешь, мама настаивает. А потом, у меня такая чернявая борода. Она говорит, я похож на шахтера, если вечером не побреюсь.

Харальд натянул чистую рубашку, школьные брюки и пошел в спальню Тика – там над туалетным столиком висело зеркало. В этот момент, не постучав, в комнату вошла девушка.

– Привет, – сказала она. – Ты, должно быть, Харальд.

Это была девушка с фотографии, но черно-белый снимок явно не отдавал ей должного. Белая кожа, зеленые глаза и яркие, медно-рыжие, кудри! Высокая, в зеленом платье до пола, она проскользнула через всю комнату как призрак. Без всякого усилия подняла за спинку тяжелый резной стул, развернула его и уселась, скрестив длинные ноги.

– Ну? Так Харальд ты или нет?

– Да, Харальд, – справился он с собой. – А ты сестра Тика.

– Тика?

– Так мы зовем в школе Йозефа.

– А я Карен, и прозвища у меня нет. Слышала про твое выступление в школе. Я считаю, ты абсолютно прав. Ненавижу нацистов! Что они вообще о себе возомнили?

Тик вышел из ванной, завернутый в полотенце.

– Ну что это, в самом деле! Никакого уважения к приватности джентльменов!

– Да, никакого, – легко призналась Карен. – Я хочу коктейль, а их не подают, пока в столовой не появится хоть кто-то из мужчин. Знаешь, я вот думаю, слуги сами сочиняют все эти правила.

– Ладно, хотя б отвернись на минутку, – буркнул Тик и, к удивлению Харальда, сбросил с себя полотенце.

Карен, ничуть не смущенная наготой брата, даже не подумала отвести глаза.

– Как ты поживаешь-то, а, черноглазый гном? – дружелюбно осведомилась она, глядя, как брат натягивает чистые белые трусы.

– Отлично. Хотя когда экзамены закончатся, будет еще отличней.

– Что будешь делать, если не сдашь?

– Наверное, наймусь в банк к отцу. Он заставит меня начать с самого низа, так что буду разливать чернила для младших клерков.

– Да сдаст он все, сдаст, – обращаясь к Карен, вмешался Харальд.

– А ты, видимо, такой же умник, как Йозеф? – спросила она.

– Гораздо, гораздо умней! – ответил Тик.

Харальд, по совести, спорить с этим не мог, и, чтобы сменить тему, спросил:

– А каково это – учиться в балетной школе?

– Что-то среднее между армией и тюрьмой.

Харальд глаз от нее не мог отвести. Непонятно было, как к ней относиться: то ли на равных, как к парню, то ли как к богине. С братом препирается словно маленькая, а грациозна-то как! Невероятно! Всего лишь сидит на стуле: взмахивает рукой, указывает на что-то или поддерживает подбородок ладонью, – а кажется, будто танцует. Все движения гармоничны. Но эта уравновешенность ничуть не лишала ее живости, и Харальд как замороженный глаз не мог оторвать от ее необыкновенно переменчивого лица. Полные губы, широкая улыбка чуть наискось, да и в целом все немного неправильное: не вполне прямой нос, подбородок неровный... все не так, а посмотришь – красавица. Пожалуй, красивей он никого в жизни не видел.

– Ты бы надел башмаки, а? – напомнил Тик.

Харальд убрался в свою комнату, где навел полный парад, но когда снова вышел и увидел, как элегантно выглядит Тик в черном пиджаке, белой рубашке и простом темном галстуке, почувствовал себя школьником в своем пиджачке.

Карен спускалась по лестнице первой. Они попали в длинную, не слишком прибранную комнату, где стояло несколько широких диванов и рояль, а на ковре перед камином дремал старый пес. Было очень уютно, особенно по сравнению с холодным величием вестибюля, хотя картин по стенам и тут хватало.

Молодая женщина в темном платье и белом переднике спросила у Харальда, что он предпочтет выпить.

– То же, что Йозеф, – ответил он.

В пасторском доме спиртного не водилось. В школе, в выпускном классе, во время пятничных сборов мальчикам позволялось выпить по стакану пива. Харальд в жизни не видел коктейля и даже не вполне понимал, что это может быть.

Чтобы чем-то себя занять, он наклонился и погладил собаку – длинного поджарого сеттера с проблеском седины в густой рыжей шерсти. Пес приоткрыл один глаз и разок махнул хвостом, вежливо откликаясь на ласку.

– Это Тор, – сообщила Карен.

– Бог грома, – улыбнулся Харальд.

– Глупо, согласна, но имя придумал Йозеф.

– А ты-то! Ты хотела назвать его Лютик! – запротестовал Тик.

– Ну, мне и было тогда всего восемь лет!

– Мне, знаешь ли, тоже. И Тор вовсе не глупое имя! Он правда гремит как гром, когда пукает.

Тут вошел отец Тика, до того похожий на свою собаку, что Харальд с трудом сдержал смех. Он был высок, худ, одет в элегантный бархатный пиджак и черный галстук-бабочку, и в волнистых рыжих волосах его тоже светилась седина. Харальд поднялся ему навстречу, и они обменялись рукопожатиями.

И обратился к нему господин Даквитц с той же вялой любезностью, какую выказал пес.

– Рад познакомиться, – неторопливо проговорил он. – Йозеф столько о вас рассказывал!

– Ну, теперь ты знаком со всем семейством, – вставил Тик.

– Как там все прошло в школе после вашей вспышки? – спросил господин Даквитц.

– Как ни странно, меня не наказали, – ответил Харальд. – Раньше, скажи я «вздор», стоит учителю сморозить глупость, так заставляли траву подстригать маникюрными ножницами! А ведь это пустяк по сравнению с тем, как я нагрубил господину Аггеру. Однако Хейс, наш директор, всего лишь прочитал мне мораль насчет того, что мнение мое прозвучало бы убедительней, если бы я проявил больше выдержки.

– И сам подал пример тем, что не накричал на вас, – с улыбкой заметил господин Даквитц, и Харальд понял, что действительно такова и была цель Хейса.

– А я думаю, он не прав. Иногда надо хлопнуть дверью, чтобы тебя выслушали, – поддала голос Карен.

И это показалось Харальду удивительно верным. Он пожалел, что не догадался сказать это Хейсу. Похоже, Карен не только красива, но и умна. Но ему хотелось задать отцу Тика один вопрос, и он не упустил случая.

– Скажите, господин Даквитц, а вас не тревожит, как могут повести себя по отношению к вам нацисты? Известно ведь, как притесняют евреев в Германии и Польше.

– Да, тревожит, и очень. Но Дания не Германия и, похоже, немцы видят в нас прежде всего датчан, а потом уж евреев.

– По крайней мере пока, – вставил Тик.

– Именно. И тут стоит подумать о том, что мы можем сделать. Полагаю, я мог бы поехать по делам в Швецию, а там попросить визу в Соединенные Штаты. Но вывезти всю семью будет уже гораздо сложнее. А еще придется оставить дело, начатое еще моим прадедом, дом, где родились мои дети, коллекцию картин, которую я всю жизнь собираю... Посмотришь на все это с такой точки зрения и решишь: надо сидеть тихо, уповая на лучшее...

– А потом, мы же не лавочники, в конце-то концов! – воскликнула Карен. – Я нацистов терпеть не могу, но что они могут сделать с семьей, которой принадлежит самый крупный банк в Дании?

А вот это, на взгляд Харальда, был сущий вздор.

– Нацисты могут сделать все, что взбредет им в голову, тебе пора бы это понять! – наставительно произнес он.

– В самом деле? – холодно отозвалась Карен.

Харальд понял, что обидел ее. Он хотел было рассказать о том, что произошло в Мюнхене с дядей Иоахимом, но тут в гостиную вошла фру Даквитц и разговор пошел о «Шопениане», которая готовилась к постановке в Датском королевском балете.

– Мне нравится музыка, – сказал Харальд, который слышал ее по радио и мог сыграть некоторые отрывки на пианино.

– Вы видели этот балет? – спросила фру Даквитц.

– Нет.

Был соблазн, конечно, намекнуть, что балетов он видел множество, только этот как-то случайно пропустил, но Харальд подумал, что перед такими людьми выставиться глупо.

– Правду сказать, я никогда не был в театре, – признался он.

– Какой ужас! – высокомерно произнесла Карен.

Фру Даквитц бросила на нее осуждающий взгляд.

– Значит, Карен должна вас туда сводить, – заявила она.

– Но, мама, я занята! – вскинулась Карен. – Я разучиваю главную партию!

Харальда это резануло, но он понял, что так Карен наказывает его за менторский тон в обмене репликами про нацистов.

Он допил до дна свой бокал. Горько-сладкий привкус коктейля ему понравился, и после первого глотка как-то сразу сделалось веселей... но, возможно, именно потому им и овладела беспечность.

«Думать надо, что говоришь. Не следовало поучать Карен».

Теперь, когда девушка вдруг обдала его холодом, стало ясно, до чего она ему нравится.

Горничная, которая разносила коктейли, объявила, что ужин подан, и распахнула створки двери в столовую. Там все расселись, заняв один конец длинного стола. Харальду предложили вина, но он отказался.

Угощали овощным супом, треской под белым соусом и ребрышками барашка с подливкой. Еды было вдоволь, несмотря на военные ограничения в рационе, и фру Даквитц объяснила, что провизия большей частью выращивается в поместье.

За ужином Карен не сказала Харальду ни единого слова, обращалась сразу ко всем, и даже когда он задал ей прямой вопрос, отвечая, смотрела на всю компанию. Харальда это ранило. Лучше девушки он никогда не встречал, и пожалуйста, часа не прошло, как впал в немилость!

Отужинав, они вернулись в гостиную, где был подан настоящий кофе. Харальд удивился, где это фру Даквитц его покупает. Кофе на вес золота, и уж в датском саду его точно не вырастить.

Карен вышла на террасу покурить, и Тик пояснил, что родители старомодны и предпочитают не видеть девушек с сигаретой. На Харальда такая искушенность – надо же, пьет коктейли и курит! – произвела немалое впечатление.

Когда Карен вернулась, господин Даквитц уселся за рояль и принялся перебирать ноты, стоящие на пюпитре. Фру Даквитц встала у него за плечом.

– Бетховен? – спросил он, и она кивнула. Глава семьи заиграл, она запела по-немецки. Когда они умолкли, Харальд зааплодировал.

– Спой еще, мама, – попросил Тик.

– Хорошо, – улыбнулась она. – А потом ты нам что-нибудь сыграешь.

Родители исполнили еще одну песню, после чего Тик сыграл на кларнете несложную колыбельную Моцарта. Господин Даквитц вернулся к роялю и сыграл шопеновский вальс из балета, а Карен скинула туфли и показала один из номеров, который разучивала.

Тут все выжидательно посмотрели на Харальда. Он понял, что пришел его черед себя показать. О пении речи быть не могло, ему под силу разве что проорать во весь голос какую-нибудь народную песню. Значит, придется играть.

– Я, видите ли, не силен в классической музыке, – признался он.

– Ерунда, – отрезал Тик. – Сам говорил, что играешь на пианино в отцовской церкви.

Харальд уселся перед клавиатурой. Что делать? Не исполнять же перед просвещенным еврейским семейством вдохновенные лютеранские гимны! Помедлил немного и, была не была, заиграл буги-вуги Пайнтопа. Поначалу там мелодичная трель, которую играешь одной правой рукой. А потом левой настойчиво внедряешь ритмичный перебив на басах, а правой заводишь невероятно соблазнительные джазовые диссонансы. И вскоре Харальд будто слился с музыкой. Усилил звук, надал жару, в ударные моменты, как Пайнтоп, выкрикивая по-английски: «Everybody, boogie-woogie!» – а достигнув апогея, поставил точку: «That's what I'm talkin' about!» – вот о чем я толкую!

Рояль отрокотал, в комнате повисла тишина. Господин Даквитц сидел с мукой на лице, словно проглотил что-то несвежее. Даже Тик выглядел смущенным, а фру Даквитц пробормотала:

– Что ж, должна признать, такого эти стены еще не слышали...

Харальд понял, что сделал ошибку. Высоколобые Даквитцы не одобряли джаз, точно так же как и его консервативные родители. Получается, просвещенность совсем не означает открытость к новому.

– Вот незадача, – вздохнул он. – Я вижу, что ошибся с выбором песни...

– Да уж, – кивнул господин Даквитц.

Зато Карен, которая стояла, опершись на спинку дивана, поймала его взгляд. Он думал, что встретит в ее глазах снисходительную усмешку, но нет. К его восторгу и изумлению, она одобрительно ему подмигнула.

Это все искупило.

* * *

В воскресенье утром он проснулся с мыслью о Карен. Надеялся, что, как вчера, она забежит к ним поболтать, однако ничего подобного. Они не встретились даже за завтраком. Как бы невзначай он спросил у Тика, куда подевалась его сестра.

– Репетирует, наверное, – равнодушно ответил тот.

После завтрака они с Тиком два часа позанимались, готовясь к экзаменам. Оба не сомневались, что сдадут, но на всякий случай проштудировали все, поскольку от результатов зависело, попадут ли они в университет. А в одиннадцать утра пошли прогуляться по имению. Вскоре они подошли к развалинам монастыря, скрытым от дороги стеной из старых деревьев.

– После Реформации земли отошли королю, – сказал Тик, – а здание лет этак сто использовалось под жилье. А потом построили Кирстенслот, и тут все пришло в упадок.

Они осмотрели внутренний двор монастыря, по которому когда-то сновали монахи. В их кельях теперь хранились садовые инструменты.

– Тут есть такие штуки, к которым лет двадцать никто не притрагивался. – Тик пнул ржавое железное колесо, а потом открыл дверь в просторное светлое помещение. Там было чисто и сухо, хотя высокие узкие окна стояли без стекол. – Когда-то здесь были кельи монахов, а сейчас летом и осенью порой живут сезонные рабочие с фермы.

Они вошли в церковь, где хранилась всякая рухлядь. Пахло сыростью. Тощий черно-белый кот уставился на них негодуя, словно спрашивая, кто дал им право тут шляться, и выпрыгнул в окно.

Приподняв край полотняного чехла, Харальд обнаружил сверкающий «роллс-ройс» – без колес, на подпорках из кирпича.

– Отцовский? – спросил он.

– Да. Дремлет на привязи, пока нет в продаже бензина.

Еще там стоял деревянный верстак с тисками, весь в рубцах и шрамах, и висела полка с инструментами, вероятно, для ухода за машиной, когда она была на ходу. В углу пряталась раковина с краном для холодной воды. Ближе к стене громоздились ящики из-под мыла и апельсинов. В один из них Харальд заглянул. Там оказалась груда игрушечных машинок из раскрашенной жести. Он взял одну рассмотреть поближе. В окне автомобиля виднелось лицо водителя: на боковом стекле он был нарисован в профиль, на ветровом – анфас. Харальд вспомнил, как страстно мечтал о такой когда-то, и бережно вернул машинку на место.

В дальнем углу стоял одномоторный аэроплан без крыльев.

– Что это? – заинтересовался Харальд.

– «Хорнет мот» английской компании «Хэвилленд». Отец купил его пять лет назад, но летать так и не научился.

– А ты в нем летал?

– Еще как! Нас катали, когда он был новенький.

Харальд прикоснулся к огромному, метра два в размахе, пропеллеру. В глазах юноши математическая точность изгибов делала пропеллер произведением искусства. Самолет стоял, чуть накренившись на сторону: шасси было повреждено, а одна шина – спущена.

Он погладил фюзеляж и с удивлением обнаружил, что тот выполнен из ткани, натянутой на раму, кое-где морщинистой, кое-где рваной. Выкрашенный светло-голубой краской, корпус самолета был оконтурен черной линией с белой кромкой, но окраска, когда-то свежая и бодрящая, поблекла, запылилась и, в потеках масла, выглядела неопрятно. Впрочем, крылья у самолета все-таки имелись: такие же, как у биплана, и выкрашенные серебром, они были отведены назад, поскольку держались на петлях.

Через боковое окно Харальд заглянул в кабину: примерно как в автомобиле два сиденья бок о бок, лакированная приборная доска с множеством круглых шкал. Обшивка одного из сидений лопнула, из дырки торчит набивка. Похоже, там угнездились мыши.

Он нашел ручку дверцы и забрался внутрь, не обращая внимания на шорохи и топоток спешно убегающих лапок. Уселся на сиденье без дырки. Управление казалось несложным. В середине торчала рукоятка, пользоваться которой можно с любого сиденья. Положил руку на рукоять, ногу поставил на педаль... Наверное, летать – занятие еще более захватывающее, чем водить мотоцикл. Он представил, как парит над замком, словно огромная птица, а в ушах его рокочет мотор.

– А ты водил его сам? – спросил он Тика.

– Нет. Зато Карен брала уроки.

– Да ну?

– Ей не хватало лет, чтобы получить права, но летала она здорово.

Харальд подвигал рукояткой, заметив переключатель «вкл./выкл.», пощелкал туда-сюда, но ничего не случилось. Рукоять и педали ходили в гнездах слишком свободно, так, словно ни к чему не подсоединены. Заметив, что он делает, Тик пояснил:

– Часть проводов в прошлом году срезали – понадобилось починить какую-то машину на ферме. Ну, пойдем дальше.

Харальд не возражал бы еще часок повозиться с аэропланом, но Тик заскучал, и он выпрыгнул из кабины.

Они вышли и, оставив монастырь позади, тележной колеей двинулись дальше. К замку Кирстенслот примыкала большая ферма.

– Ее сдали в аренду семейству Нильсен еще до моего рождения, – рассказывал Тик. – Старик Нильсен выращивает свиней на бекон, у него молочное хозяйство с призовыми коровами и нескольких сотен акров под зерновые.

Они миновали широкое пшеничное поле, пересекли луг, на котором паслись черные с белым коровы. А потом запахло так, что невозможно было не понять: неподалеку свинарник. На проселочной дороге, ведущей к дому фермера, им попался трактор с прицепом. Юноша в комбинезоне в явной растерянности навис над капотом. Тик поздоровался с ним за руку.

– Привет, Фредерик. Что стряслось?

– Да вот, вез в прицепе семейство Нильсен в церковь, а мотор возьми да заглохни прямо на середине пути!

Харальд перевел взгляд на прицеп и увидел там две скамьи.

– Пришлось взрослым топтать в церковь пешком, а малышню повели домой, – вздохнул Фредерик.

– Это мой друг Харальд. Во всем, что касается машин, он просто волшебник.

– Я бы не возражал, если б он поколдовал над этой.

Трактор был новой модели, с дизельным мотором, не на стальных колесах, а на резиновых шинах. Харальд подошел ближе.

– Что происходит, когда ты его заводишь?

– Сейчас покажу. – Фредерик дернул ручку. Мотор взвыл, но не завелся. – Видно, топливный насос надо заменить. – Тракторист в отчаянии потряс головой. – Но запчастей для техники сейчас не достать.

Харальд недоверчиво нахмурился. Он распознал запах солярки, а значит, насос тянет, но топливо в цилиндры явно не поступает.

– Еще раз попробуй, ладно?

Фредерик снова дернул за ручку. Вроде бы выпускной клапан топливного фильтра шевельнулся. Приглядевшись, Харальд заметил, что из-под него сочится солярка. Он покачал гайку пальцем, и весь клапанный блок отошел.

– Вот в чем закавыка, – улыбнулся Харальд. – Резьба на гайке почему-то сточилась, топливо вытекает. Проволочки под рукой не найдется?

Фредерик порылся в карманах.

– Вот бечевка, крепкая.

– Ладно, сгодится на время. – Харальд поставил клапан на место и прочно привязал его к патрубку топливного фильтра. – Попробуй теперь завести.

Фредерик дернул за ручку. Мотор завелся.

– Ну и ну, – покачал он головой. – Надо же, починил!

– При случае замени бечевку на проволоку, и нового насоса не надо.

– Слушай, может, поживешь тут недельку, а? – радостно предложил Фредерик. – На ферме полно поломанной техники!

– Извини, мне в школу надо.

– Что ж, удачи. – Фредерик взобрался в кабину трактора. – Благодаря тебе я успею к концу службы, чтобы забрать Нильсенов домой!

Он уехал, а Харальд и Тик направились назад к замку.

– Да, это было впечатляюще, – покачал головой Тик.

Харальд пожал плечами. Он, сколько себя помнил, умел починить любой механизм.

– Старый Нильсен следит за техническими новинками, – добавил Тик. – Покупает всякие сеялки, веялки и даже доильные аппараты.

– А топливо для них он добывает?

– Да. Это можно, если производишь продукты. А вот запчастей все равно не достать.

Харальд взглянул на часы: не терпелось увидеться с Карен за обедом, расспросить ее про уроки воздушного пилотажа.

В деревне друзья заглянули в таверну. Тик взял два стакана пива, и они уселись снаружи, греясь на солнышке. Через улицу стояла церковь, построенная из красного кирпича, оттуда выходили люди – служба как раз закончилась. Фредерик, проехав мимо на тракторе, помахал им рукой. В прицепе у него сидели пятеро, в том числе крупный старик с седой гривой и обветренным красным лицом – надо полагать, фермер Нильсен.

На пороге церкви появился, с двумя детьми и под руку с неприметной наружности женщиной, полицейский в форме. На Тика он, подходя, посмотрел волком. Его дочь, девочка лет семи, громко спросила:

– А почему они, папочка, в церковь не ходят?

– А потому что евреи, – ответил полицейский. – Не веруют в нашего Господа.

Харальд вопросительно глянул на Тика.

– Местный полицейский Пер Хансен, – спокойно произнес Тик. – Представляет у нас датских национал-социалистов.

Харальд кивнул. В Дании нацистов было не много. На последних всеобщих выборах, два года назад, они получили в ригсдаге только три места. Но на волне оккупации подняли голову, и не без оснований: немцы потребовали, чтобы один министерский портфель в датском правительстве был предоставлен лидеру датских нацистов Фрицу Клаузену. Король Христиан, однако, проявил неуступчивость и блокировал назначение. Немцы отступились. Нацисты вроде Хансена, жестоко разочарованные, заняли позицию выжидания, уверенные, что их время еще придет.

«Не исключено, так и будет», – кисло подумал Харальд.

Тик осушил свой стакан.

– Пошли, не то опоздаем к обеду.

* * *

Они вернулись к замку. Во дворе Харальд, к своему удивлению, увидел Поуля Кирке, двоюродного брата их с Тиком одноклассника Мадса. Поуль служил в авиашколе вместе со старшим братом Харальда, Арне. Поуль, в шортах, стоял рядом с прислоненным к кирпичной стене велосипедом. Харальд, который прежде пару раз с ним встречался, остановился поболтать, а Тик прошел в дом.

– Ты что, тут работаешь? – спросил Поуль.

– Нет, в гостях. Учеба еще не закончена.

– Когда сбор урожая, на ферму нанимают студентов. Какие планы на лето?

– Пока не знаю. В прошлом году подрабатывал на стройке у нас на Санде. – Он скорчил гримасу. – И представь, оказалось, мы строили немецкую базу! Они до последнего скрывали это от нас.

– Да? Что за база? – оживился Поуль.

– Что-то вроде радиостанции. Оборудование завезли, только после того как уволили всех датчан. Я, пожалуй, летом буду ходить в море с рыбаками и потихоньку начну читать, готовиться к университетскому курсу. Надеюсь заняться физикой под руководством самого Нильса Бора.

– Это дело. Ну, Мадс всегда говорил – ты гений.

Харальд собрался было спросить, что Поуль делает в Кирстенслоте, как ответ явился сам собой. Из-за угла, держа за руль велосипед, вышла Карен. В шортах цвета хаки, демонстрирующих длиннющие ноги, она выглядела умопомрачительно.

– Доброе утро, Харальд, – улыбнулась Карен, а сама подошла к Поулю и поцеловала его. Причем, заметил с завистью Харальд, поцелуй был в губы, пусть даже и мимолетный. – Привет!

«Вот невезуха, – подумал Харальд. – Я так надеялся провести с Карен хотя бы час за обеденным столом! А она поедет кататься с Поулем. Тот, похоже, приударяет за ней, хотя и старше ее лет на десять. К тому же хорош собой, – заметил вдруг Харальд, – с правильными чертами лица и широкой улыбкой, открывающей безупречные зубы».

Поуль, держа Карен за руки, оглядел ее с головы до ног.

– Потрясающе выглядишь! Жаль, у меня нет фотографии, на которой ты была бы вот как сейчас.

– Благодарю, – улыбнулась девушка.

– Ну что, готова?

– Вполне.

Они вскочили на велосипеды.

Харальд, совершенно убитый, смотрел, как они удаляются, бок о бок, освещенные солнцем.

– Счастливо покататься! – крикнул он вслед.

Карен, не оглянувшись, взмахнула рукой.

Глава 5

Хермия Маунт готовилась к тому, что ее уволят.

Такого с ней еще не случалось. Начальство ценило ее, несмотря на острый язык, как толковую и исполнительную сотрудницу. Но теперь нынешний босс, Герберт Вуди, скажет ей: «Вы уволены!» – едва наберется духу.

Двое датчан, работавших на британскую разведку, арестованы в аэропорту Каструп. Теперь они в заключении, их наверняка допрашивают. Для группы «Ночной дозор» удар очень серьезный. Вуди служит в разведке еще с мирных времен, он бюрократ опытный. Ему нужно списать на кого-то провал, и Хермия на эту роль – первейший из кандидатов.

Она прекрасно все понимала. За десять лет работы в британской госслужбе узнала, как делаются такие дела. Если Вуди наверху заставят признать, что провал произошел по вине отдела, он переложит ответственность на самого мелкого из своих подчиненных. Она женщина, кто ж безответнее ее? Не говоря о том, что ему так и так не по нутру это сотрудничество, и он счастлив будет, когда Хермию заменит мужчина.

Поначалу Хермия сама задумала принести себя в жертву. Механиков с аэродрома она лично не знала, их завербовал Поуль Кирке, но сеть – ее детище, и ответственность за судьбу арестованных лежит на ней. Она так по ним убивалась, словно они уже мертвы. Ей хотелось все бросить.

«В конце концов, – размышляла она, – что такого особенного я делаю? Какой мой вклад в военные действия? Информацию собираю, и только. Причем информация эта потом никак не используется. Люди рискуют жизнью, чтобы переправить мне фотографии Копенгагенского порта, ничего особенного в котором не происходит. Разве не глупо?»

Но если честно, она знала, и очень хорошо, как важен этот рутинный труд. Когда-нибудь в будущем воздушная разведка сфотографирует гавань, полную кораблей, и штабистам понадобится понять, соответствует ли картинка зафиксированному положению объектов, или происходит вторжение внешней военной силы. Вот тогда фотографии, присланные для Хермии, сыграют свою роль.

Более того, разговор с Дигби Хоаром придал ее работе ощущение особой, безотлагательной важности. Не ровен час, система воздушного перехвата станет оружием, с которым немцы выиграют войну. Чем больше она об этом думала, тем более вероятным находила, что ключ к проблеме кроется в Дании. Западное побережье страны – идеальное местоположение для станции оповещения о полете бомбардировщиков к Германии.

«Ни один человек здесь, в разведке, не знает Данию так досконально, как я, – размышляла Хермия. – Я лично знакома с Поулем Кирке. Он мне верит. Произойдет катастрофа, если вместо меня поставят чужака. Мой долг – продолжать работу. Следовательно, нужно перехитрить начальника».

– Плохие новости, – немногословно выразился тот, когда Хермия предстала перед его письменным столом.

Кабинет Вуди помещался в одной из спален старого дома в Бличли-парк. Обои в цветочек и шелковые абажуры на настенных светильниках – видимо, до войны спальню занимала дама. Теперь там стояли не гардеробы, полные платьев, а шкафы с картотеками, на месте трельяжа на гнутых ножках поместился стальной стояк для военных карт. А вместо роскошной женщины в дорогом шелковом negligé обитал там преисполненный собственной важности господинчик в очках и сером костюме.

Хермия изобразила полное и абсолютное спокойствие.

– Ничего хорошего в том, что оперативные сотрудники арестованы и подвергаются допросу, конечно, нет, – отозвалась она. – Однако... – Хермия подумала о двух смельчаках,

которых сейчас допрашивают и пытаются, и у нее горло перехватило. Помолчав, она продолжила: – Однако в данном случае, я считаю, риск минимальный.

– Назначим расследование, и все выяснится. – Вуди скептически хмыкнул.

У нее сердце упало. Если это произойдет, придет следователь из другого отдела. Тому понадобится найти козла отпущения, и она – очевидный выбор.

Собравшись с силами, Хермия приступила к выстраиванию той линии обороны, которую подготовила загодя.

– Двое агентов, которые арестованы, не могут выдать никаких тайн. Они из наземной команды аэродрома. Один из членов «Ночного дозора» передавал им бумаги для переправки за границу, и вся их работа заключалась в том, чтобы поместить контрабанду в полость тормозной колодки.

Хермия понимала, что они вполне могут выдать какие-то вроде невинные подробности о том, как и кто их завербовал, подробности, которыми умелый контрразведчик воспользуется, чтобы выйти на других агентов.

– Кто именно передавал им бумаги?

– Маттиас Хертц, армейский лейтенант. Он ушел в подполье. И никого больше из группы эти механики не знают.

– Значит, благодаря непроницаемости нашей системы безопасности сокращен нанесенный делу урон.

«Это он реплику репетирует, – поняла Хермия, – которой будет отбиваться на ковре у начальства». Она ухватилась за случай ему польстить.

– Именно так, сэр, это очень удачное выражение.

– Но как вообще датская полиция вышла на ваших людей?

Хермия, предвидя такой вопрос, подготовила ответ.

– Причина, полагаю, кроется на шведской стороне.

– Ага! – Вуди повеселел.

Швеция, как страна нейтральная, находилась не в его компетенции, и он был не прочь переложить ответственность на другой отдел.

– Присядьте, мисс Маунт, – пригласил он.

– Благодарю вас. – Хермия воодушевилась: Вуди реагировал так, как она рассчитывала. – По моим данным, шведский связной передал экземпляр датской нелегальной газеты агентству Рейтер в Стокгольме. Изложенные в газете факты разошлись по всему миру. Именно это, вероятно, насторожило немцев. Между тем вы всегда строго настаивали, чтобы наши агенты занимались исключительно сбором информации, всячески избегая побочных видов деятельности, например пропаганды.

Это тоже была лесть: она в жизни не слышала, чтобы Вуди говорил, руководствуясь общеизвестными правилами разведки.

– Истинная правда! – кивнул он энергично.

– Я напомнила шведам об этом вашем требовании сразу, как только узнала о том, что произошло, но, боюсь, прокол уже случился.

Вуди призадумался. Ах как было бы славно, если бы он смог заявить, что его советом пренебрегли. В самом деле, что толку, когда люди действуют по твоим указаниям: если дело идет, всю заслугу они приписывают себе. Куда предпочтительней, чтобы твой совет проигнорировали и дело пошло не туда. Тогда можно развести руками: «Я же вам говорил!»

– А что, если написать докладную, в которой я изложу все обстоятельства дела, упомяну это ваше правило и сошлюсь на свое письмо в шведское представительство?

– Весьма толковая мысль! – одобрил Вуди, очень довольный.

Так еще лучше: он сам никого не обвинит, а только сошлется на мнение своей подчиненной, которая между делом еще и воздаст должное его бдительности.

– Кроме того, нам необходим новый канал связи с Данией. Радио для получения информации пользоваться нельзя, слишком много времени уходит на передачу.

Вуди представления не имел, как организовать новый канал.

– Да, это проблема, – с ноткой паники произнес он.

– К счастью, у нас есть запасной канал связи с использованием парома, курсирующего между Эльсинором и шведским Гельсинборгом. Я могла бы написать в своей докладной, что канал разработан по вашему указанию.

– Превосходно, – выдохнул босс.

– И может, стоит указать, что вы уполномочили меня этот канал задействовать?

– Пожалуй.

– А... расследование? – нерешительно спросила она.

– Знаете, не уверен, что в нем возникнет необходимость. Ваша докладная послужит ответом на все вопросы.

Хермия постаралась скрыть облегчение.

«Значит, меня все-таки не уволят».

Она знала, что разговор надо завершить, пока ей удастся быть на шаг впереди. Но имелся вопрос, который отчаянно требовалось обсудить с Вуди. Лучшей возможности, чем сейчас, не найти.

– Есть еще одна мера, которую мы можем предпринять, чтобы значительно повысить нашу секретность, сэр.

– В самом деле? – Судя по выражению лица Вуди, если такая мера и существовала на свете, он о ней уже позаботился.

– При шифровке мы могли бы пользоваться более сложными кодами.

– А чем плох стихотворный? Наши агенты давно его применяют.

– Видите ли, я боюсь, что немцы уже их расшифровали.

– Я так не думаю, дорогая моя. – Вуди снисходительно улыбнулся.

Хермия все-таки рискнула возразить.

– Могу я показать на примере, что имею в виду? – И, не дожидаясь, пока он ответит, быстро написала в своем блокноте: «gsff cffs jo uif dbouffo».

– Наиболее часто здесь встречается буква «f», – сказала она.

– Это очевидно.

– Самая распространенная в английском языке буква – это «e», поэтому любой дешифровщик первым делом предположит, что «f» значит «e», и, следовательно, наша фраза теперь выглядит так: «gsEE cEEs jo uiE dbouEEo».

– Ну, это все еще может быть что угодно, – забормотал Вуди.

– Не совсем. Сколько слов у нас заканчивается двойным «e»?

– Понятия не имею.

– Из распространенных – совсем не много: «flee», «free», «glee», «thee» и «tree». Теперь обратите внимание на вторую группу цифр.

– Мисс Маунт, право же, у меня нет времени...

– Всего несколько секунд, сэр! Имеется много слов с двойным «e» в середине. Какой может быть первая буква? Не «a», разумеется, но «b» – вполне может быть. Значит, давайте подумаем о словах, начинающихся на «bee», которые логически могут стоять в предложении вторыми. «Flee been» – бессмыслица, «free bees», «свободные пчелы», звучит диковато, но «tree bees» уже подходит...

– «Free beer!» – ликующе перебил ее Вуди.

– «Бесплатное пиво», да. Давайте пока так и оставим. Следующая группа состоит из двух букв, и таких слов совсем не много, самые распространенные: «an», «ab», «in», «if»,

«it», «on», «of», «og» и «ur». Четвертая группа – слово из трех букв, кончающееся на «e», которых очень много, но самое распространенное – артикль «the».

Вуди волей-неволей впал в азарт.

– Free beer at the...

– Или «in the». Тогда выходит, что «и» – это «t». И, значит, последняя группа – слово из семи букв с двойным «e» – кончается на «teed», «teel», «teen», «teer»...

– Free beer in the canteen! – вскричал Вуди.

– Да, – кивнула Хермия. Она помолчала, глядя на Вуди, чтобы до него лучше дошло, что случилось. – Вот как легко расшифровать наши коды, сэр. – Она глянула на часы. – У вас ушло на это всего три минуты.

Он хмыкнул.

– Неплохая забава для вечеринки, мисс Маунт, но опытные мастера в МИ-6 знают о таких вещах побольше вашего, уж поверьте.

«Без толку, – подумала она. – Сегодня его не сдвинешь. Придется попытаться еще разок, позже».

– Да, сэр.

– Возвращайтесь к своим прямым обязанностям. Чем заняты остальные члены вашего «Ночного дозора»?

– Я намерена попросить их понаблюдать, нет ли указаний на то, что немцы разработали систему дальнего обнаружения воздушных судов.

– Ни в коем случае этого не делайте!

– Почему, сэр?

– Если враг выяснит, что мы этим интересуемся, то поймет, что такая система имеется у нас!

– Но что, если она есть и у него?

– У него – нет, не сомневайтесь.

– Джентльмен с Даунинг-стрит, который приезжал сюда на прошлой неделе, придерживался другой точки зрения.

– Строго между нами, мисс Маунт, совсем недавно этим вопросом занимался особый комитет МИ-6 и пришел к заключению, что радар в Германии появится не раньше чем через полтора года.

«Ага, значит, эта штука называется “радар”», – подумала Хермия.

– Это внушает оптимизм, – с улыбкой солгала она. – Полагаю, вы участвовали в работе комитета, сэр?

Вуди кивнул.

– Сказать правду, я его возглавлял.

– Благодарю вас, сэр, вы меня успокоили. Пойду писать свою докладную.

– Удачи!

Хермия вышла. Лицевые мышцы ломило от улыбок. От угодничества слегка подташнивало. Зато она спасла свою работу, и тут есть с чем себя поздравить. Только вот с шифрами продвинуть дело не удалось. И хотя она узнала, как называется система дальнего обнаружения самолетов – радар, – стало понятно, что Вуди не даст ей «добро» на выяснение, имеется ли у немцев такая система в Дании.

Ей не терпелось сделать что-то насущно важное для победы. От вялой рутины у нее только отчаяние разгоралось. Как было бы здорово увидеть наглядные результаты своего труда. И кто знает, может, они даже станут оправданием того, что случилось с несчастными механиками на аэродроме Каструп.

«Конечно, можно собрать информацию о радаре и без разрешения босса. Рано или поздно он узнает об этом, но я готова рискнуть. Непонятно только, как сформулировать

задачу для «Ночного дозора». Что им искать и где, на что обратить внимание? Нужно разузнать побольше, прежде чем инструктировать Поуля Кирке. А Вуди ничего не расскажет. Но он не единственная надежда».

Хермия села за письменный стол, придвинула телефонный аппарат поближе и попросила:

– Пожалуйста, соедините меня с Даунинг-стрит, десять.

* * *

С Дигби они встретились на Трафальгарской площади. Хермия стояла у подножия колонны Нельсона и смотрела, как энергично, припадая на ногу, он переходит улицу от Уайтхолла. Улыбнулась: эта походка так для него характерна!

Они обменялись рукопожатиями и пошли к Сохо. В теплый летний вечер Вест-Энд был полон народу, разбредающегося по театрам, кино, барам и ресторанам. Это жизнерадостное зрелище портили только, как гнилые зубы в улыбке, почерневшие остатки разбомбленных зданий.

Хермия думала, они посидят в пабе, но Дигби привел ее в маленький французский ресторан. Столики рядом с ними пустовали, так что говорить можно было, не боясь, что кто-то подслушает.

Дигби был все в том же темно-сером костюме, но рубашку по случаю надел светло-голубую, под цвет глаз. Хермия порадовалась, что сообразила приколоть свою любимую брошку – пантеру с глазами-изумрудами.

Ей не терпелось поскорей перейти к делу. В прошлый раз Хермия отказалась пойти с ним на свидание, и теперь не хотела, чтобы он решил, будто она передумала. Как только они сделали заказ, она начала разговор.

– Я хочу использовать своих агентов в Дании, чтобы узнать, располагают ли немцы радаром.

Он прищурился.

– Вопрос гораздо сложнее. Сейчас уже нет сомнений, что радар у них есть, так же как и у нас. Но их радар значительно эффективнее нашего – и последствия этого ужасны.

– Вот как... – поразила ее она. – А Вуди сказал... Впрочем, не важно.

– Нам позарез необходимо выяснить, чем их система так хороша. То ли они сконструировали механизм лучше нашего, то ли нашли способ использовать его поэффективней, а может, то и другое.

– Ага, понятно. – Хермия быстренько переварила информацию. – И все равно я уверена, что хоть какая-то часть этой системы располагается в Дании.

– Это было бы логично – и кодовое имя Фрейя указывает на Скандинавию.

– Итак, что следует искать моим людям?

– Трудно сказать, – нахмурился он. – Мы не знаем, как эта штука выглядит – в этом суть, не так ли?

– Насколько я поняла, она испускает радиоволны?

– Да, конечно.

– И, надо полагать, сигнал уходит на очень большое расстояние – иначе предупреждение просто не успевало бы?

– Да. Сигнал был бы бесполезен, если бы не покрывал по меньшей мере километров восемьдесят. А возможно, и больше.

– А мы можем его услышать, этот сигнал?

Дигби вскинул бровь.

– Да, с помощью радиоприемника. Послушайте, да это неглупая мысль! Странно, почему раньше никто не сообразил!

– А можно отличить этот сигнал от других радиопередач – к примеру, обычных новостей и прочего?

Он кивнул.

– Такой сигнал – это серия импульсов, вернее всего, очень быстрых: скажем, тысячу единиц в секунду. На слух звучит как продолжительная музыкальная нота. Так что сразу понятно: это не Би-би-си. И очень отличается от точек-тире военной морзянки.

– Вы ведь инженер. Можете собрать приемник для распознавания именно такого радиосигнала?

Дигби озадачился.

– Он должен быть портативным.

– Да, чтобы помещался в чемодан.

– И работать от батареек, чтобы быть автономным.

– Да.

– А что, возможно. В Велвине, это на полпути между Бличли и Лондоном, вы знаете, работает команда высоколобых, они примерно чем-то таким занимаются. Взрывающиеся репки изготавливают, передатчики маскируют под кирпичи, все такое. Думаю, им под силу и такой приемник соорудить.

Официант принес еду. Салат из помидоров, заказанный Хермией, был посыпан рубленым луком и украшен веточкой мяты, и она подивилась про себя, отчего это британские повара не готовят блюда, которые так просты и вкусны, а упирают на вареную капусту и консервированные сардины.

– Что подвигло вас к созданию «Ночного дозора»? – спросил ее Дигби.

Она не поняла, что он имеет в виду.

– Ну... Тогда это казалось удачной мыслью.

– И все-таки, не могу не заметить, не каждой молодой женщине придет в голову такая мысль.

Ей сразу вспомнилась битва, которую по этому поводу пришлось выдержать еще с одним бюрократам вроде Вуди.

«В самом деле, почему я так настаивала?»

– Мне хотелось подставить подножку нацистам. Есть в них что-то для меня абсолютно нетерпимое.

– Может, то, что фашизм сваливает все проблемы на людей других рас?

– Да, это тоже, но главное – их мундиры, напыщенный вид, все это щелканье каблукками... и то, как они подвывают, произнося свои гнусные речи. Меня тошнит от этого.

– Где вы с таким столкнулись? В Дании не так много нацистов.

– В тридцатых я провела год в Берлине. Видела, как они маршируют, салютуют и плюют на людей, как разбивают витрины еврейских магазинов. Помню, еще подумала тогда: нет, их надо остановить, не то они изгадят весь мир. И я по-прежнему так думаю. Более того, сейчас я в этом уверена, как никогда.

– Согласен, – улыбнулся Дигби.

Хермия ела фрикасе и то и дело ловила на себе взгляд Дигби, взгляд, в котором читались восхищение и страсть.

«Этого еще не хватало! Если он в меня влюбится, все закончится неурядицами да разбитым сердцем».

И все равно было приятно, хоть и немного тревожно, что из-за нее так откровенно плаваются от желания. Она даже вспыхнула разок и смущенно прикрыла рукой шею.

И тогда Хермия стала думать об Арне. Про то, как впервые заговорила с ним в баре горнолыжного отеля в Норвегии и сразу поняла, что нашла именно того человека, которого искала.

«Теперь понятно, почему у меня никогда не было нормальных отношений с мужчинами, – написала она матери. – Это потому что тогда я еще не встретила Арне».

Когда он сделал ей предложение, Хермия ответила ему так: «Знала бы, что на свете бывают такие, как ты, давным-давно вышла бы замуж».

Она соглашалась на все, что он предлагал, хотя обычно была так своевольна, что не могла даже квартиру делить с подругами – не уживалась. Арне лишил ее воли. Он приглашал – она принимала приглашение; он ее целовал – она готовно прикидала к нему; он забирался под лыжный свитер и гладил ей грудь – она только вздыхала от наслаждения, а когда в полночь постучался в дверь ее номера, сказала: «Как же я рада, что ты пришел».

Мысли об Арне помогли держать дистанцию с Дигби, и в разговоре Хермия все время сворачивала на политику. Союзная армия в составе Британии, ее доминионов и «Свободной Франции» на днях вступила в Сирию. Впрочем, там произошли небольшие стычки и перестрелки, которые, сошлись они оба во многом, вряд окажут существенное влияние на ход военных действий. Самое важное сейчас – это, конечно, конфликт в Европе и «состязание» между бомбардировщиками.

Когда Дигби и Хермия вышли из ресторана, уже стемнело, но светила полная луна. Они направились на юг, к Пимлико, где жила мать Хермии и где она рассчитывала переночевать. Под кронами Сент-Джеймского парка, когда тучка напозла на луну, Дигби сильной рукой привлек ее к себе и поцеловал.

Нельзя было не восхититься тем, как ловко он это проделал. Хермия ахнуть не успела, как он приник к ее губам. Понятное дело, следовало возмутиться и отпихнуть наглеца изо всех сил, но, к ужасу и стыду своему, Хермия обнаружила, что отвечает на его страсть. Тело вдруг вспомнило, каково это – почувствовать прикосновение твердой мужской руки, горячей кожи, и само подалось в объятия.

Они жадно целовались с минуту, а потом он положил руку ей на грудь и чары рассеялись. Нет, уж слишком она взрослая и почтенная, чтобы ее лапали в парке! Хермия с усилием отстранилась. Мелькнула мысль привести его домой, к матери. Она представила себе шокированные лица Мэгс и Бетс и расхохоталась.

– Что такое? – спросил уязвленный Дигби.

Хермия осеклась.

«Чего доброго, подумает еще, что смеюсь над его увечьем! Надо быть осторожней с насмешками».

– Моя мать – вдова, и живет с подругой, которая замужем никогда не была, – поспешила она объяснить. – И я представила, как бы они среагировали, объяви я, что хочу привести на ночь мужчину!

Уязвленности как не бывало.

– Мне нравится ход твоих мыслей, – пробормотал Дигби и попытался возобновить поцелуй.

Искушение было сильным, но мыслью об Арне Хермия его поборол.

– Довольно, – твердо сказала она. – Проводи меня лучше домой.

Они вышли из парка. Минутное ощущение полноты бытия испарилось, и проснулась совесть. Как можно, если любишь Арне, с удовольствием целоваться с Дигби? Однако в ту минуту, когда они шли мимо Биг-Бена и Вестминстерского аббатства, завывала сирена, оповещающая о налете, и покаянные мысли вылетели из головы.

– Пойдем в убежище? – спросил Дигби.

Многие лондонцы уже перестали прятаться при налетах. Промучившись в убежищах без сна, кое-кто решил, что оно того не стоит, Бог с ней, с бомбежкой. Другие, настроившись на фаталистский лад, заявляли, что бомбе либо предназначено в тебя попасть, либо не предназначено, и поделаться тут ничего нельзя. Хермия, чтобы разделять такие убеждения, еще слишком любила жизнь, но, с другой стороны, провести ночь в убежище с настроенным на амур Дигби ей не хотелось. Она нервно повертела на пальце обручальное колечко.

– Знаешь, мы всего в нескольких минутах ходьбы, – сказала она. – Если не возражаешь, я бы пошла домой.

– Похоже, придется мне все-таки заночевать у твоей мамы.

– По крайней мере она увидит, что по ночам я хожу с защитой.

Быстрым шагом они направились через Вестминстер к Пимлико. Прожекторы чертили лучами по небу, пытались проникнуть сквозь рассеянные облака. Послышался зловещий гул тяжелого самолета, рычащего, как голодный зверь, глубоким горловым звуком. Где-то ударила зенитная пушка, искры разлетелись по небу, как фейерверк. Хермия с беспокойством подумала, где сейчас мать, не за рулем ли своей «скорой помощи».

К ее ужасу, бомбы начали падать совсем неподалеку, хотя обычной целью авиаударов был Ист-Энд, где сосредоточено много заводов. Раздался оглушительный грохот – похоже, прямо с соседней улицы. Минуту спустя с воем промчалась пожарная машина. Хермия ускорила шаг.

– Ты так спокойна, – заметил Дигби. – Неужели не страшно?

– Конечно, страшно, – в нетерпении бросила она. – Просто не вижу смысла паниковать.

Повернув за угол, они увидели горящее здание. Перед ним стояла пожарная машина, пожарные на бегу разматывали шланги.

– Далеко еще? – спросил Дигби.

– Еще один поворот, – запыхавшись, выговорила Хермия.

За поворотом в глаза бросилась еще одна пожарная машина – в дальнем конце улицы, у самого дома Мэгс.

– О Боже, – выдохнула Хермия и с бешено колотящимся сердцем побежала туда.

Там стояла также машина «скорой помощи», и в том ряду, где жила мать, на месте одного дома зиял пролом.

– Пожалуйста, только не это! – горестно воскликнула Хермия.

Подбежав ближе, она с ужасом поняла, что не узнает дом матери, хотя отчетливо видела, что соседний дом полыхает. Стояла и смотрела во все глаза, пытаясь осознать, на что глядит. И наконец до нее дошло: дома больше нет. Ничего не осталось, только каркас террасы, а за ней – груды развалин. Хермия застонала в отчаянии.

– Это он и есть? – спросил Дигби.

Не в силах заговорить, Хермия кивнула.

– Послушайте! – начальственным голосом окликнул Дигби одного из пожарных. – Кого-нибудь из жильцов видели?

– Да, сэр, – ответил тот. – Одного человека убило сразу. – Он указал на палисадник перед уцелевшим домом неподалеку, где на земле стояли носилки, а на носилках тело с прикрытым лицом.

Дигби взял Хермию за руку. Они вместе вошли в палисадник. Хермия встала на колени, а Дигби снял покров.

– Это Бетс, – выдохнула Хермия с тошнотворным чувством вины за то, что чувствует облегчение.

– Там кто-то сидит, на стене. – Дигби огляделся.

Хермия посмотрела в ту сторону и в поникшей женщине признала мать. В форме водителя «скорой помощи», в жестяном шлеме мать сидела на низкой стене, будто жизни в ней не осталось.

– Мама?

Та подняла залитое слезами лицо. Хермия бросилась к ней, обняла.

– Бетс погибла...

– Мне так жаль, мама!

– Она очень меня любила, – давясь слезами, с трудом выговорила мать.

– Я знаю.

– Знаешь? Правда знаешь? Она всю жизнь меня прождала. Ты это понимала? Правда?

Хермия обняла ее тесней.

– Мне жаль, мама, – повторила она.

* * *

Утром 9 апреля 1940 года, когда Гитлер вторгся в Данию, в море находилось около двух сотен датских судов. Весь тот день радиостанция Би-би-си вещала по-датски, призывая моряков направлять свои суда в порты союзников, не возвращаться в покоренную страну. Предложение об убежище приняли около пяти тысяч человек. Многие подошли к восточному побережью Англии, подняли на своих мачтах «Юнион Джек» и всю войну плавали под британским флагом. Таким образом, к середине 1941 года в нескольких английских портах образовались небольшие колонии датчан.

Хермия решила отправиться в рыбацкий поселок Стокби. Она дважды беседовала с тамошними датчанами. На сей раз она соврала своему начальнику Герберту Вуди, что требуется уточнить кое-какие данные об основных датских портах, чтобы внести в карты необходимые изменения.

Он поверил.

Для Дигби Хоара у нее имелась совсем иная история.

Дигби приехал в Бличли через два дня после того, как бомба уничтожила дом ее матери, с радиоприемником и радиопеленгатором, аккуратно уложенными в потрепанный кожаный чемодан. Принялся учить Хермию, как обращаться с этим оборудованием, а она старалась не отвлекаться, не сбиваться на мысли про поцелуй в парке, про то, как ей понравилось целоваться, и про то, хватит ли теперь духу посмотреть Арне в глаза.

Поначалу план ее состоял в том, что радиоприемник нужно как-нибудь переправить ребятам из «Ночного дозора», но теперь Хермия придумала, как упростить дело. Не исключено, что в открытом море сигнал немецкого радара легче поймать, чем на суше. Дигби она сказала, что намерена передать чемодан одному капитану рыболовного судна, предварительно научив его, как пользоваться приемником. Дигби не возражал. Такой план вполне мог сработать, но, если начистоту, ей совсем не хотелось перепоручать важное дело кому-то другому, и она твердо решила заняться этим сама.

В Северном море между Данией и Англией есть большая песчаная отмель, известная как Доггер-банка, где море местами мелкое, всего метров пятнадцать глубиной, и отлично ловится рыба. И британские, и датские рыбаки забрасывают там траловую сеть. Строго говоря, судам, приписанным к датским портам, было запрещено уходить так далеко от берега, но Германия нуждалась в сельди, так что запрет, время от времени возобновляемый, нарушался постоянно. Хермия давненько уже подумывала о том, что рыбацкими судами можно переправлять из страны в страну сообщения и даже людей, обмениваясь ими посреди моря. Но сейчас у нее была другая задача. Дальний конец Доггер-банки – всего в шестидесяти километрах от датского побережья.

«Если моя догадка верна, сигналы радара «Фрейя» можно поймать оттуда», – раздумывала Хермия.

Дневным поездом в пятницу, одетая для морского путешествия: в брюки, сапоги и просторный свитер, – с волосами, забранными под клетчатую мужскую кепку, Хермия поехала в Стокби. Поезд катил по топкой восточноанглийской равнине, а она волновалась, как все пройдет.

«Найдется ли капитан, который согласится взять меня на борт? Удастся ли поймать сигнал? Или вся затея – напрасная трата времени?»

Вскоре мысли ее обратились к матери. Мэгс взяла себя в руки, и вчера, когда хоронили Бетс, держалась как человек глубоко опечаленный, а не убитый скорбью. Сегодня она уехала в Корнуолл погостить у своей сестры Беллы. Но в ночь налета душа ее обнажилась.

Они с Бетс всегда были преданными подругами, однако теперь стало ясно, что за этим скрывалось большее. Честно говоря, Хермии совсем не хотелось в это вникать, но все же, вопреки себе, она была заинтригована. Оставив в стороне вгоняющий в краску вопрос, выражались ли эти отношения физически, Хермия не могла не поражаться тому, что мать, всю жизнь испытывая страстную привязанность, была вынуждена скрывать ее и от дочери, и, надо полагать, от своего мужа.

В восемь вечера, на закате, поезд прибыл в Стокби. Хермия с вокзала напрямик направилась в паб «Герб кораблестроителя», расположенный на территории верфи. После недолгих расспросов выяснилось, что утром в море выходит Стен Мунк, капитан-датчанин, с которым она познакомилась в свой прошлый приезд. Судно его называлось «Морганманд», что означает «тот, кто рано встает». Капитана Стена она нашла у его дома, выстроенного на склоне холма: как истый англичанин, он щелкал секатором, подстригая живую изгородь. Стен пригласил ее пройти в дом.

Вдовец, он жил с сыном Ларсом, который тогда, в день оккупации, 9 апреля, тоже оказался с ним в море. Теперь Ларс женился на местной девушке Кэрол.

Когда Хермия вошла в дом, Кэрол кормила крошечного мальчика всего нескольких дней от роду. Ларс заварил чай. В присутствии Кэрол, которая датского не знала, говорили по-английски.

Хермия объяснила, что ей необходимо подобраться как можно ближе к датскому берегу, чтобы прослушать немецкую радиопередачу. Какого рода передачу, не уточнила, а Стен не стал задавать вопросов.

– Да, конечно, – с чувством произнес он. – Все, что угодно, ради того, чтобы побить нацистов! Но мой баркас для этого не подходит.

– Почему?

– Маленький, в длину всего одиннадцать метров... И потом, мы будем в море примерно дня три.

Хермию это не испугало. Отпрашиваясь у начальника, она предупредила, что вернется только на будущей неделе: ей, дескать, нужно устроить на новом месте мать.

– Это ничего, – кивнула она Стену. – Время у меня есть.

– Но у нас там всего три койки. Мы спим по очереди. Женщине будет неудобно. Лучше вам подыскать судно побольше.

– А есть какое-нибудь, чтобы вышло в море завтра утром?

Стен поглядел на Ларса, и тот ответил:

– Нет. Вчера ушло три, вернутся на следующей неделе. А Петер Горнинг должен прибыть завтра и, наверное, до среды снова в море не выйдет.

Она покачала головой:

– Слишком поздно.

– Понимаете, они там спят прямо в одежде, – подала голос Кэрол. – Потому и приходят такие вонючие. Воняют хуже, чем рыба.

Хермии сразу понравилась ее прямота.

– Переживу, – махнула она рукой. – Тоже буду спать в одежде, в койке, согретой тем, кто спал до меня. Ничего страшного.

– Я хочу помочь, вы не сомневайтесь! – вздохнул капитан. – Но женщинам в море не место. Не для этого женщины созданы.

– А для того, чтобы рожать, да? – огрызнулась Кэрол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.